

Баян Ширянов

Дуэль Пономаря

Баян Ширянов
Дуэль Пономаря
Серия «Пономарь», книга 3

Авторская версия
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146017

Аннотация

В остросюжетном романе «Дуэль Пономаря» экстрасенс, народный целитель Игорь Сергеевич Дарофеев по прозвищу Пономарь продолжает борьбу за торжество закона и справедливости.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Баян Ширянов Дуэль Пономаря

Пролог

Дверь в эту камеру внешне ничем не отличалась от других. Такая же зелёная облупившаяся краска, такой же резиновый овал, прикрывающий глазок «волчка», однако само подглядывающее устройство не позволяло смотреть на обитателя этой камеры, наоборот, с его помощью заключённый сам мог разглядывать своих посетителей. Но для этого приходшему надо было сдвинуть резиновую нащепку. Другие отличия можно было увидеть лишь войдя внутрь.

Первое, что бросалось в глаза – это отсутствие «ресничек» на окне, рамы с приваренными к ней металлическими пластинами, ориентированными таким образом, что через них можно было видеть лишь «небо в клеточку». А следующий взгляд мог заставить случайно вошедшего не поверить собственным глазам. Перед ним оказывалась самая обычная комната, с финскими обоями, с диваном, двумя мягкими креслами, набитая разнообразной бытовой техникой, начиная с масляного радиатора и кончая стойкой с видео– и аудиоаппаратурой.

Существовало ещё два существенных отличия от обычных тюремных камер. Во-первых, справа от входа, там, где обычно располагался открытый всем взорам унитаз, находилась дверь, ведущая в соседнюю камеру. Обстановка в ней не была столь роскошной, но и там чувствовался дух воли. И, во-вторых, обе эти камеры запирались изнутри, что было бы немыслимо, находишься в них обычный арестант. Но сидел в них человек не простой, обладающий огромной властью.

Этими шикарными, по всем меркам, двухкамерными апартаментами владел старый вор в законе, глава московской наркомафии по прозвищу Рыбак.

Около трёх лет назад к Рыбаку пришёл странный человек, который представился как Гнус. Он без видимых усилий преодолел все кордоны охранников наркобарона и так поразил старика своими необычайными способностями, что за очень короткое время стал правой рукой Рыбака.

Благодаря Гнусу, рыбаковская мафия почти полностью забрала в свои руки рынок сбыта наркотиков. Упрочились её международные связи, велись разработки новых сильнодействующих препаратов, привыкание к которым наступало даже после однократного приёма.

И вдруг всё рухнуло.

Рыбак слишком поздно понял, что Гнус, сильнейший парапсихолог, решил использовать организацию Рыбака в своих целях. Цель, впрочем, была всего одна – отомстить некоему Игорю Сергеевичу Дарофееву, знаменитому экстрасенсу, которого в криминальных кругах знали под кличкой Пономарь.

Пономарём на блатном жаргоне называли завязанного хвастуна, но Дарофеев, несмотря на такое прозвище, успешно противостоял атакам Гнуса. Мало того, в результате его деятельности, наркомафия потерпела сокрушительное поражение как от РУОПа, так и от своих коллег, мафии, которой руководил молодой вор в законе по кличке Сивый.

В результате настоящей войны между криминальными структурами и милицией, которая потрясла Москву и оставила после себя около тысячи человек убитыми, мафия Рыбака практически перестала существовать, а сам он, вместе с Сивым, был арестован.

Не помогли ни связи в высших эшелонах власти, ни попытки прямого подкупа должностных лиц и следователей. Вор в законе продолжал находиться в Бутырской тюрьме.

Следствие по его делу шло медленно. Армия адвокатов тормозила и мешала следствию по мере своих немалых сил, и всё шло к тому, что Рыбака должны были освободить за недовказанностью. Но пока этого не произошло, он оставался в тюрьме. Но это обстоятельство не помешало ему за те два года, которые он провёл в бутырских стенах, восстановить своё влияние, хотя и не в той мере, что было раньше.

Прошлый год принёс старому мафиози немало хлопот. Внезапно вновь развернулась широкомасштабная война с мафией. Дума, законники, словно сошли с ума, забыв о том, кто на самом деле их кормит, и попытались провести несколько указов, до предела ограничивающих само существование мафии.

Пронеслась волна убийств среди политиков, банкиров, боссов организованной преступности.

Но внезапно всё прекратилось. Рыбак в видеозаписи просмотрел выступление Дарофеева по телевидению, в котором тот предупреждал людей о том, что некто, живущий в Хумске, может запросто заставить любого человека исполнять свою волю, и о том, как этого можно избежать. Одновременно в прессе началась совершенно сумбурная травля этого экстрасенса. Обвинения в его адрес были столь нелепы, что у любого здравомыслящего человека должно было возникнуть обоснованное подозрение, что все эти статьи – лишь газетные утки.

Рыбак пристально следил за развитием событий, тем паче, что в них участвовал человек, из-за которого наркобарону пришлось сменить место жительства.

Но вдруг всё стихло.

Лишь пара газет принесли читателям свои извинения из-за публикации непроверенных сведений о Дарофееве. И всё.

Война против мафии заглохла, никто словно и не вспоминал, что такое когда-то планировалось.

По своим каналам Рыбак пытался разузнать, что же случилось с его недругом, Пономарём. Но ничего принципиально нового, кроме того, что Игорь Сергеевич Дарофеев, как и прежде, принимает пациентов, выяснить рыбаковским эмиссарам не удалось.

Был, правда, слух, что некоторое время Пономарь общался с Корнем, главой одной из московских криминальных группировок, но подтверждения им не было.

Всякий раз, когда Рыбак вспоминал о Дарофееве, в нём просыпалось желание отомстить экстрасенсу. Но убийство, как способ мести явно не подходило. Наркобарон помнил, с какой лёгкостью Пономарь предотвращал попытки покушений. Здесь требовалось что-то иное. Надо было ударить и ударить больно. Но для этого требовалось знать и болевые точки Дарофеева и его слабости, а об этом информации у мафиози не было абсолютно никакой.

Всякий раз, когда к нему, под видом адвоката, приходил с докладом о текущих событиях деятель по кличке Кикоз, которого Рыбак поднял из рядовых пушеров, распространителей наркотиков, до своего доверенного лица, старик спрашивал его о Дарофееве. Но почти всегда никакой новой информации не поступало.

У Рыбака, конечно, имелся и сотовый телефон, но мафиози не доверял технике, резонно считая, что любую связь можно прослушать и отдавал предпочтение личным встречам. Сама же его камера была свободна от «жучков». Её досконально проверил приглашённый с «воли» специалист, который оставил старику детектор и научил с ним обращаться. Это влетело в немалую сумму, но Рыбак уже не был так стеснён в средствах, как в самом начале заключения.

Вчера Кикоз сообщил, что Дарофеев уже два дня как пропал. Его не было ни дома, ни на работе, в Центре Традиционной Народной медицины, ни на той квартире, где он обычно вёл приём пациентов. Это сообщение насторожило Рыбака. Такое исчезновение могло означать,

впрочем, что угодно. Но старый мафиози шестым чувством понял, что здесь что-то неладно. Пономарь мог испариться только в одном случае – если ему угрожала какая-то опасность. Следовательно – кто-то объявил сезон охоты на Дарофеева. А это не вписывалось в рыбаковские планы мести.

Размышления вора в законе прервал стук в дверь камеры. Стучали как «вертухайи», охранники, железом по железу, используя для этого ключ от камеры. Но те колотили по двери изо всех сил, этот же стук был какой-то неуверенный.

Рыбак встал с дивана, подошёл к двери. Глазок показывал темноту, резиновая нашлапка оставалась на месте.

– Кто? – Недовольно спросил Рыбак. – Блямбу откинь!

Через мгновение заслоняющая обзор преграда была сдвинута и мафиози увидел, что за дверью стоит мужик в чёрной робе из «хозобоза», через плечо у него висела объёмистая брезентовая сумка.

– Сантехник. – Ответил пришедший. – Прокладку менять.

Кран у Рыбака действительно подтекал, но, поскольку раковина находилась в другой «комнате», за толстую стену звук падающих капель не проникал.

Отодвинув засов, мафиози открыл дверь. В камеру вступил зек, и Рыбак понял, чем тот стучал. В руке хозобозника был зажат массивный гаечный ключ.

В следующее мгновение мужик размахнулся и лишь отменная реакция Рыбака, отступившего в последний момент, спасла ему жизнь. Металлическая дубинка просвистела там, где мгновение назад была голова мафиози.

Несмотря на то, что старик недавно разменял восьмой десяток, он был в хорошей физической форме. Лишь однажды, в молодости, ему попался противник, который смог в честном поединке сломать Рыбаку нос. Но и расплата за причинённое увечье была соответствующей.

Сейчас же речи о честной драке не шло. Пришелец явно хотел убить мафиози, и тот не стал стесняться в средствах самозащиты.

Воспользовавшись тем, что от сильного замаха мужика чуть развернуло, Рыбак точным движением ударил того ногой в пах. Хозобозник выронил гаечный ключ и начал складываться пополам, этого и ждал мафиози. Он с силой врезал ногой по двери, мужик, всё ещё стоявший в проёме, должен был получить ею по лбу и вылететь в тюремный коридор. Но убийца согнулся быстрее, чем мог предположить Рыбак и случилось так, что шея мужика оказалась зажата между тяжёлой дверью и косяком.

Послышался громкий хруст. Дверь пошла назад и через мгновение мафиози увидел, что он сделал.

Шея нападавшего оказалась почти перерублена. Голова хозобозника обвисла. Сам он ещё мгновение стоял на ногах и потом упал так, что его голова оказалась накрыта мёртвым телом. На линолеуме камеры начала растекаться багровая лужа.

Глава 1

1.

На мгновение ему показалось, что если он откроет глаза, то увидит над собой чёрный потолок. Чёрный, как беззвёздное ночное небо.

Но проверять подозрение не хотелось. Веки словно приросли одно к другому и разлепить их можно было лишь с колоссальным трудом.

Да и зачем куда-то смотреть, если и с закрытыми глазами он чувствовал себя совершенно великолепно. И это было странным. Невозможно просто так пребывать в такой полной эйфории и одновременно быть совершенно спокойным.

Противоречие это иногда всплывало в его мозгу, но как только он пытался его разрешить, мысли, словно сами собой перескакивали на что-то другое. Это возбуждало другое подозрение, что он не может сконцентрироваться, но и его постигала судьба всех серьёзных мыслей: они уплывали и забывались, оставляя после себя лишь смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Впрочем, не происходило ровным счётом ничего, заслуживающее его внимания.

Его окружала полнейшая тишина. В ней, если прислушаться, можно было вычленивать и звуки проезжающих машин, чьи-то разговоры, далёкую музыку. Но ни на чём из этого невозможно было задержать внимание.

Вдруг он почувствовал какой-то дискомфорт. В таком блаженном состоянии и неудобство оказалось крайне приятным. Центр, из которого исходило это новое ощущение, был живот. Он наслаждался состоянием голода, которое дарил ему пустой желудок.

Послышался скрип отпираемой двери, шаркающие шаги, шелестящее дыхание.

Он почувствовал, что его верхняя часть приподнимается, занимая почти вертикальное положение.

– Давай, милочка, покушаем... – Раздался ласковый женский голос.

Глаза открылись сами собой. Перед ним суежилась старушка в белом медицинском халате. Её быстрые движения не давали понять, что она делает, но запахи говорили о том, что его дискомфорт скоро пройдёт. Это были запахи пищи.

Не в силах уследить за движениями санитарки, он вновь смежил веки и тут же почувствовал прикосновение к губам. Нижняя челюсть поползла вниз, и в его рот влился тёплый бульон. Проглотив первую ложку, он вдруг понял, что это недостойно. Почему его, здорового мужика, кормят с ложечки?

Он попытался возразить, но смог издать лишь нечленораздельный звук и нелепо махнуть руками, которые пронесли перед его носом как два цветных пятна.

– Тихо, тихо, милый... Я понимаю, сам хочешь... Но чего уж... Я тебя покормлю... Открывай ротик...

И он, уже забыв о странности своего положения, послушно выполнил приказ.

После обеда он опять погрузился в своё странное состояние, но оно уже ощутимо ослабло. Не было уже того пронзительного блаженства от простого существования, да и на мыслях можно было худо-бедно сосредоточиться.

«Если это клиника, – думал он. – А за это говорит всё, начиная санитаркой и кончая качеством местной кормёжки, значит, я болен. Но чем? Я же превосходно себя чувствую. Руки-ноги на месте, ничего не болит...»

В подтверждение своих размышлений, он поднёс к глазам сперва одну, потом другую ладонь. Они были, но зрение могло лишь вычленивать их розовые пятна на грязно-зелёном фоне, в который сливалось всё окружающее.

Ноги тоже существовали. Он согнул их в коленях и обнаружил увеличение белого пятна перед собой.

«А, может, у меня что-то со зрением? – Пришла догадка. Но он тут же отмёл её. – Офтальмологических не держат на постельном режиме...»

2.

На этот раз дверь распахнулась с грохотом. Задремав, он не чувствовал хода времени, но, очевидно, после обеда прошло не так уж много времени, желудок давал о себе знать приятной полнотой.

Эти визитёры, он по шагам, определил, что их двое, обладали мужскими голосами и не были столь тактичны, как санитарка. Они быстро стянули с него одеяло, задрали рукав пижамы.

– Он чего, спит? – Спросил грубый голос.

– Дрыхнет... – Презрительно отозвался второй.

Послышалось непонятное позвякивание. Приоткрыв глаза, он увидел, две фигуры, склонившиеся над чем-то металлическим. На мгновение зрение прояснилось и он увидел лоток, на котором лежал шприц, кусок силиконового шланга и подушечка из оранжевой клеёнки.

«Набор для внутривенных инъекций...» – Подумал он. И не ошибся.

Тут же один из мужиков, прямо поверх закатанного рукава пижамы, перетянул ему руку. Мазнул чем-то мокрым и холодным по локтевому сгибу, и в воздухе отчётливо запахло спиртом.

– Такую ценную жидкость на этого ублюдка тратим... – Недовольно проворчал один из мужиков.

– Не жмотись. Капля всего-то уходит... – Огрызнулся второй.

Через мгновение он почувствовал укол.

– Ну, Пономарь, получай дозняк!.. На него накатило странное чувство расслабленности, мозг погрузился в дремотную истому. Окружающее как бы перестало для него существовать. И лишь где-то далеко, переливаясь многократным эхом, звучало бессмысленное слово:

– Монопарь... Номопарь... Мопонарь... Пономарь...

От него веяло чем-то родным, знакомым, но сосредоточится, чтобы выяснить, вспомнить, что оно означает, ему было чертовски лень.

3.

Ужина он не помнил. Возможно, его не было вовсе. Или был, но прошёл мимо его сознания. Да о каком сознании могла идти речь? Всё окружающее было подёрнуто плотной наркотической завесой, а его мозг отказывался повиноваться.

Разбудил его очередной укол. Грубые манипуляции с его телом вывели его из себя, но гнев не успел оформиться в мысль, проскользнув невнятным ощущением.

Однако действие укола на этот раз уже не было таким сильным. Это вызвало досаду, такую же мимолётную, как и давешнее недовольство.

Эйфория опять плавно перешла в сон.

Открыв глаза, он понял, что сейчас ночь.

Из окна, расположенного где-то в изголовье, лился слабый, мертвенно-бледный свет далёких фонарей. Послышался паровозный гудок и он понял, что окончательно проснулся.

Видение окружающего мира уже не было таким мутным. Ему удалось разглядеть плафон на потолке, скрывающий люминесцентные лампы, а с трудом повернув голову, мышцы плохо повиновались сознательным командам, и тумбочку рядом с кроватью. На её пластиковой поверхности ничего не было. Лишь пятно от пролитой и высохшей жидкости, напоминающее спящую собаку с длинным хвостом, по иному отражало законный свет, нежели остальная поверхность.

Пустые крашенные стены. Дверь из листа толстого матового стекла. Типичная обстановка больницы.

Теперь он чётко вспомнил и санитарку, кормившую его обедом. Вспомнил по ощущениям, не по образам. Всплыли грубые санитары, делавшие инъекцию.

Что-то они сказали важное...

Голодарь?..

Нет, какое-то другое слово.

Ему казалось, что если он вспомнит этот набор звуков, то произойдёт что-то очень важное. Жизненно необходимое. Он поймёт, почему он находится здесь, чем он болеет...

И вообще, что это за клиника?

Может, психиатрическая?

Это объясняло бы и его состояние, и странные, приводящие в бесчувствие и беспомощность уколы. Но откуда-то он знал, что в психбольницах обстановка другая. Например, нет тумбочек для личных вещей...

Что же с ним произошло?

Да и кто он, в конце концов?

Задав себе этот вопрос он, с ужасом, прогнавшим прочь остатки эйфорического состояния, понял, что не помнит этого. Он ещё раз огляделся, словно пытаясь в стенах, в окружающей обстановке найти намёк на своё имя, профессию. Но тщетно. Голые стены молчали. Да и что они могли сказать?

«Пономарь.»

Это слово внезапно словно высветилось из глубин памяти.

«Да!» – Понял он, так его звали. Но ведь это не имя, кличка. Кто же он такой на самом деле?

Внезапно замигали лампы под потолком, зажглись. Пономарь зажмурился и услышал щелчок отпираемого замка.

В ярком свете он увидел парня в одежде никак не соответствующей лечебному учреждению. Вошедший носил потёртые джинсы и пёструю шелковую рубашку.

– Где я? – Слабым голосом попытался спросить Пономарь.

Вместо ответа парень исчез. Из коридора донеслась ругань, среди многоэтажного мата пациент явственно вычленил суть фразы:

– Кто допустил, чтобы он пришёл в себя?!

Послышался грохот, за ним быстрый топот двух пар ног и в палату влетели санитары. Во всяком случае, белые халаты на этих мужиках присутствовали.

– Что ж ты? – Плотоядно ощерясь спросил один из них, невысокий, начинающий лысеть брюнет.

Второй в это время с металлическим звоном опустил на тумбочку принесённый поднос.

– Сейчас уколемся – и больше никаких вопросов задавать не будем... Добазарились?

Пономарь хотел, было, отрицательно покачать головой, но пока он собирался это сделать, его рукав уже был закатан, а рука перетянута жгутом и к ней приближалась игла

шприца. Поняв, что после укола он вновь потеряет сознание, пациент шевельнул рукой и острый металл вонзился не в вену, а около неё, в сухожилие. Руку пронзила острая боль, и тут же Пономарь получил увесистую затрещину.

– Не рыпайся, блин!..

Твёрдые пальцы схватили его за бицепс и за запястье. Игла тут же вонзилась вновь и Пономарь захлебнулся в подступившей к горлу эйфории.

4.

На этот раз его посетили видения.

В этих не то снах, не то галлюцинациях, он точно знал кто он такой, но в той жизни это знание казалось не таким ценным, каким-то само собой разумеющимся. Словно понятие о том, что он есть совсем не было ему нужно.

И там окружали его люди.

Странное дело, но все они казались Пономарю хорошими. Он вроде бы знал кто они такие, а вроде и нет. Но, в любом случае, они относились к его персоне с искренней любовью. Так ему казалось. Или не казалось, и так было на самом деле?

Но где? Когда?

Вот молоденькая девушка. И сам Пономарь почувствовал себя с ней молодым. Они идут по тропическому лесу, смеются, целуются и обнимаются на ходу. Потом выходят к океану, на белый сияющий коралловый пляж...

Их окружают покосившиеся пальмы. Из-под ног во все стороны бочком разбегаются мелкие крабы.

Одна часть сознания Пономаря понимает, что этого в действительности никогда не было, но другая знает, что так могло бы быть, если бы согласился на какое-то предложение. И это «бы» вызывает в первой части его сознания смутное воспоминание о долгих сожалениях по поводу отказа.

Да какого отказа? Вот же он, с Лизой, на Филиппинах, и сейчас они пойдут к настоящему хиллеру... «Перенимать» опыт...

Лизой? А кто это?.. И вдруг всё окружающее становится зыбким, и сквозь него проступают контуры какой-то квартиры. Или даже не квартиры, а рабочего кабинета.

Пономарь вдруг понимает, что он находится на Петровке у своего друга. А вот и сам друг, в расстёгнутом милицеском кителе, что-то весело доказывает ему, Пономарю.

А память услужливо подсказывает, что этого друга уже нет в живых. Что если бы не глупейшая ошибка самого Пономаря, он бы не пострадал. Хотя и подходил ему срок, но причиной смерти послужила именно пономарская оплошность...

А вторая часть мыслей тычет увиденным в глаза: «Ты что, умом тронулся? Вот же он, Синельников, жив-здоров! Какая смерть? Какие похороны?»

А кто такой Синельников?

И снова Пономарь обнаруживает себя в другом месте.

Это тоже какая-то клиника. И Пономарь вдруг «вспоминает», что находится она не в Москве, а в Хумске. Он сидит около кровати, на которой развалился, закрыв глаза, какой-то мальчик.

Рукава его пижамы завернуты, сама она явно велика для находящегося в ней тщедушного тельца. В пальцах мальчика моток проволоки, из которой он на ощупь плетёт какую-то конструкцию.

Губы мальчишки плотно сжаты, но Пономарь-то знает, что он что-то рассказывает. Речи его не нравятся Пономарю и он, тоже не раскрывая рта, что-то объясняет пацанёнку. Витя соглашается.

Но не было же этого разговора! Всё происходило совсем иначе. Противостояние. Борьба. Трупы. И тяжелейшая победа, чуть не обернувшаяся полным разгромом. Привычки Вити не ушли сами собой.

Витя? Кто это?

Который раз перед глазами всё плывёт и Пономарь обнаруживает себя в квартире.

Его жена, Лиза, что-то ему втолковывает, рядом стоит девчушка и с замиранием сердца ждёт решения. На мгновение он задумывается и кивает, принимая доводы.

Девочка бросается ему на шею. Целует в щёку.

Он подхватывает её, и они кружатся по комнате.

И снова услужливая память подсказывает, что на самом деле он решительно отказал просьбам Светы разрешить ей занятия каратэ, посчитав, что это не для женского пола. Уже отказывая, Пономарь знал, что не прав, но не мог же он потом переменить решение, он же должен был поддерживать свой авторитет? Или авторитарность?.. И откуда, вообще, взялась эта Света?..

Глава 2

1.

Общение с этим пацаном давалось нелегко. Николай Андреевич Репнев, известный в своей преступной организации под прозвищем Корень, не имел другого выхода. Он не мог позволить чтобы хоть малейший слушок проник за завесу полнейшей секретности, которую он воздвиг вокруг этого мальчика.

Витя Матюшин, от рождения был слепоглухонемым. Сейчас ему шёл четырнадцатый год, и он обладал совершенно уникальными возможностями. Начиная с того, что он был абсолютным телепатом, то есть мог как читать чужие мысли, так и проецировать свои в голову собеседника, и кончая тем, что он являлся единственным в своём роде гением желания. Витя мог заставить любого человека на любом расстоянии исполнить его волю. Почти любого...

Когда прошлой осенью Дарофеев обнаружил его в хумском НИИ Экстремальной Бихевиористики, Витя вбил себе в голову, что ему позволено всё, карать и миловать, и взял себе громкий титул Главный Управляющий Людьми. Пока Пономарь не нейтрализовал его, ГУЛ успел натворить очень многое. Он и почистил, методом прямого устранения, верхушку криминального мира, заставил депутатов Госдумы подготовить несколько суровых законопроектов. Хорошо, что они не успели их принять окончательно. Короче, свёл с ума всю Россию.

Потом, конечно, всё утряслось, депутаты, освободившись от чужого влияния, одумались. Правда, два десятка новых тюрем и исправительных лагерей продолжали строиться. Фонды на них были уже выделены несколькими банками и выцарапать деньги обратно не представлялось возможным.

Витя поселился у Дарофеева, который стал постепенно вправлять ему мозги. Корень пристально следил за этим процессом, навещая Игоря Сергеевича, усыпляя его подозрительность.

С самого начала Николай Андреевич положил глаз на хумского гения. Мафиози понимал, что если способности пацана направить в необходимое русло – ему не будет цены. Да и Корень сможет, благодаря ему, настолько увеличить своё влияние, что сможет стать единоличным теневым властителем России и окрестностей.

Около года Репнев готовился к этой акции. Проблем было целых три. Во первых, как нейтрализовать Пономаря так, чтобы это не вызвало подозрений у Вити. Во вторых, как заполучить согласие пацана на сотрудничество. И третья, самая сложная, как даже в мыслях не выдать своих планов.

Всё это Николаю Андреевичу с блеском удалось.

Неуязвимый, ясновидящий Пономарь пал жертвой собственной беспечности. Корень подсунул целителю перчатки, мех которых был пропитан наркотиком Yellow Dead. После пяти минут ношения подарка Игорь Сергеевич закосел и потерял сознание. «Скорая помощь» с людьми Репнева была наготове. Дарофеева погрузили в «Раф» и отвезли в небольшую частную клинику, которая содержалась Николаем Андреевичем.

Под видом благожелательности мафиози удалось убедить Витю, что тому стоит пожить у него, Репнева. И мальчика поместили в строго охраняемый особняк в районе Химок.

Но эта операция не имела бы смысла, если бы не был возможен хотя бы минимальный контроль над мыслями пацана. Корню нужен был телепат. Мафиози хорошо помнил несколько весьма неприятных минут, когда он доверился шарлатану-экстрасенсу во время

собственного штурма хумского НИИЭБа. Тот заверял Николая Андреевича, что запросто справится со всеми проблемами, в результате чего получил небольшое дополнение к мозгам в виде кусочка свинца.

Таких накладок Корню хотелось впредь избегать и он большую часть времени подготовки похищения паренька посвятил розыскам человека, который на самом деле мог бы читать чужие мысли. Пришлось отвергнуть несколько кандидатур, хотя кто кого отверг можно было ещё и поспорить.

Лишь недавно был найден господин отвечавший всем требованиям. Звали его Михаил Русланович Кашеваров. Был он настолько тих и незаметен, что полностью оправдывал своё прозвище Призрак.

Доверия ему было мало, но он единственный согласился работать на «крышу» без дополнительных принуждений. С одной стороны это казалось подозрительным, мало ли какие цели мог преследовать господин Кашеваров, не искать же ещё одного телепата, чтобы заглянуть в мысли нанятому? С другой же стороны у Корня не было выбора, да и время поджимало. Витя уже почти согласился с внушаемой ему Дарофеевым концепцией что человек убивать нехорошо.

– Как там дядя Игорь?

Этот голос звучал прямо в голове Репнева. Несмотря на почти годичный опыт такого общения, мафиози было несколько не по себе.

«Заглянет, ведь, куда не следует...» – Подумалось Николаю Андреевичу и, чтобы не выдать себя, не обнаружить истинных причин своей зажатости, он представил одну из нелегальных операций с титановыми сплавами.

Витя тактично промолчал, но Корень знал, что пацан заметил эту мысль.

– Пока плохо. – Мысленно проговорил Репнев. Он представил себе картину: Дарофеев распластан на больничной койке. Вокруг него помигивает какая-то медицинская аппаратура, всё опутано шлангами и проводами.

– А что врачи говорят?

– Никто ничего толком сказать не может. – Врал мафиози. – Я нанял лучших специалистов, но и они говорят, что организм сам должен справиться... Или не справиться...

Они еще несколько минут пообсуждали медицинские проблемы, пока Корень не перешёл к делу.

– Знаешь, мне сообщили, что Рыбак ещё жив...

Николая Андреевича очень беспокоило то, что наркомафия старого вора в законе продолжает набирать обороты. А, сопоставив то, что разгром Рыбака был напрямую спровоцирован Пономарём, и несомненное знание наркобароном этого факта делало Игоря Сергеевича весьма примечательной мишенью.

Репнев сообщил Вите, что наркоделец, по его сведениям, разобрался с текущими делами, поставил свой бизнес и теперь готов к мести. А мстить он будет, конечно, главному виновнику своих несчастий – Дарофееву. Поэтому следовало бы принять превентивные меры.

В свой прошлый приезд в Химки Николай Андреевич разъяснил Вите ситуацию и попросил помощи, чтобы оградить незащитного в данный момент Игоря от возможных посягательств конкурента. Хумчанин согласился. Но первая попытка не удалась.

На этот раз к просьбе окончательно устранить старого мафиози, Корень добавил список из ещё трёх фамилий. Эти боссы криминальных группировок не имели к Пономарю ни малейшего касательства, но они мешали Репневу, как, наверное, и он им, договориться с ними было, на взгляд Николая Андреевича, невозможно, поэтому требовалось физическое устранение. Благо возможности Вити позволяли это сделать так, что сам Корень оставался полностью вне подозрений.

– А могу я навестить дядю Игоря? – Внезапно спросил мальчик.

Мафиози нахмурился:

– Пока, наверное, нет... За этим особняком следят... Это было бы слишком опасно для тебя... Да и для него тоже...

Витя, казалось был удовлетворён таким ответом.

Прощавшись, Николай Андреевич вышел из комнаты и поднялся на второй этаж. В помещение, расположенное непосредственно над апартаментами парня.

2.

Михаил Русланович угрюмо посмотрел на визитёра. Корень, не обращая внимания на пристальный взгляд телепата, прошёл мимо него и устроился в кресле у огромного, во всю стену, окна. Призрак вынужден был повернуться, чтобы оказаться лицом к своему работодателю.

– Ну, о чём он думает? – С показным безразличием в голосе спросил Репнев.

Чтец мыслей встал и подал Николаю Андреевичу стопку исписанных листов бумаги. Тот лениво пролистал их, зевнул и устало посмотрел на Кашеварова:

– Ты словами говори...

Это уже стало своего рода ритуалом. Всякий раз, когда Корень заходил к телепату, тот предоставлял дотошную запись всех размышлений Вити с указанием времени вплоть до секунд. Не доверять этим расшифровкам Корень не мог, но в них содержалось такое огромное количество материала не интересующего мафиози, что разбираться в нём, чтобы выудить что-нибудь полезное он просто не мог себе позволить.

– Все ваши задания он выполняет.

– Хорошо. – Удовлетворённо кивнул Корень.

– Но есть одна или две неприятности...

– Какие, чёрт подери?!

– Он уже просёк, что дело не чисто... – Тихо, почти шёпотом проговорил Призрак.

– Так... – Насупился Николай Андреевич. – А конкретно?

– Он понял, что его используют. И что Игорь у вас в качестве заложника.

Репнев задумчиво хмыкнул. Он предполагал, что рано или поздно Витя сможет выудить из его мозгов всю правду о происходящем, но не думал, что это произойдёт так быстро.

– И что дальше?

– Пока он будет знать, что Пономарь в заложниках – он будет выполнять ваши просьбы. Они не противоречат его этическим установкам...

– Ты мне про этику не гони! – Внезапно вспыхнул Николай Андреевич. – Дело говори!

– Я и говорю дело... – Прошелестел Кашеваров. – Пока он считает что делает полезное дело. Но у него уже возникали мысли об опасности для здоровья Игоря. Когда он в этом убедится, – он поставит перед собой цель освободить Пономаря. А это чревато для вас непредсказуемыми последствиями...

– О последствиях я буду сам судить! – Резко оборвал телепата Репнев. – Дальше. И только факты.

– Он разрабатывает планы побега. Пока чисто теоретически.

– Они осуществимы? – Сурово спросил Корень.

Призрак шевельнул плечами, что должно было означать лёгкое недоумение:

– Скорее всего – нет. Но если он применит для этого свои способности...

– У него ничего не выйдет!.. – Расхохотался мафиози. Михаил Русланович недоумеая посмотрел на Репнева, но тот ничего не стал объяснять.

- Это всё?
- Пока да. – Спокойно ответил Кашеваров.
- Хорошо... Продолжай наблюдение.
- Корень встал и направился к выходу. В дверях он обернулся:
- Да, если мальчишка решит смыться – меня информировать немедленно!
- Хорошо... – Кивнул Призрак захлопывающейся двери.

3.

Витя понял всё слишком поздно. Когда карета «Скорой помощи» увозила потерявшего сознание Дарофеева, мальчик заглянул в мысли «санитаров». Они не думали о здоровье пациента, а лишь об удачно проведённой операции и о том, как быстрее избавиться от своего пассажира. Причём всё, включая водителя, принимали участие в последнем рейде на Хумск и поэтому, благодаря тому же Игорю Сергеевичу, они обладали возможностью не подчиняться желаниям бывшего ГУЛа.

Устроить им аварию Витя не мог, при ней мог пострадать и Дарофеев. Поэтому мальчик вынужден был пойти с Корнем, который почти и не скрывал своего торжества.

Когда же Николай Андреевич попросил об устранении Рыбака, хумчанину всё стало ясно. Корень заболел манией величия и руками Вити хотел проложить себе дорогу к вершине абсолютной власти.

С первого же дня пребывания мальчика в особняке мафиози, он обнаружил две крайне неприятные вещи. В охране стояли люди с иммунитетом к его желаниям. Но не это тревожило юного парапсихолога, в здании был ещё один телепат. Он не предпринимал никаких активных действий, ограничиваясь постоянным наблюдением.

Чувствовать себя мухой в стеклянной банке, на которую всё время кто-то смотрит, было не очень-то приятно. Но у Вити пока не было выбора. Да и пошёл он на это добровольно, стремясь узнать, почему это добрейший дядя Коля вдруг так переменялся. И что он планирует по отношению к Пономарю.

Всё это, конечно, можно было узнать и на расстоянии, но Витя, в силу своих физических недостатков так редко выходил из дома Дарофеева, что с радостью пошёл на временную смену окружающей обстановки. Кроме того, опасности лично для себя он не чувствовал, зная, что Корень всеми силами будет опекать свой ключ к могуществу.

Весь вопрос был в том, согласится ли он пойти с мафиози до конца. В этом, как раз, у Вити уверенности не было. И именно здесь таилась опасность.

Другое дело, его наставник и учитель – Дарофеев. Но за его жизнь Витя был спокоен. Ведь Игорь Сергеевич не раз спасал Репневу жизнь, и тот просто не мог быть таким неблагодарным, чтобы хоть как-то сознательно повредить человеку, которому стольким обязан.

Это подтверждалось и мыслями мафиози. Хумчанин без труда прочёл в его мозгу о том, что Пономарь в полнейшей безопасности находится в одной платной клинике широкого профиля, где, кроме него, проходят лечение пострадавшие в разборках боевики, руководители групп, цивильная публика. Чтобы Игорь Сергеевич случайно не помешал использованию способностей Вити, его постоянно держат в бессознательном состоянии. Но оно, по заверениям врачей, никак не сказывается на общем здоровье.

В это верилось с трудом, но Николай Андреевич врачам доверял безоговорочно, и сомнений у него не возникало. Зато они возникли у мальчика.

Несмотря на постоянный телепатический контроль, бывшему ГУЛу удалось обмануть своего соглядата. Это оказалось достаточно просто. Мальчику пришлось лишь сделать так, чтобы некая последовательность мыслей несколько минут непрерывно крутилась в голове телепата, словно закольцованная магнитная лента. Этого закливания Призрака Вите хва-

тило, чтобы узнать, посмотрев с помощью своего ясновидения на дядю Игоря, что с Дарофеевым всё не так радужно, как представлял себе Корень.

Пономарь находился в состоянии хронического отравления, интоксикации, каким-то сильнодействующим средством. И он действительно почти постоянно находился без сознания. Это не могло не сказаться на организме целителя.

Теперь, когда Витя научился обманывать бдящего телепата, ему не составило труда, в тайне от Призрака, сделать две вещи. Слегка воздействовать на Игоря Сергеевича, с тем, чтобы тот смог выйти из своего бессознательного состояния и подготовиться к собственному побегу.

Полностью скрыть эту информацию от соглядатая не удавалось, но Витя надеялся, что тот воспринял его мысли как обычные прожекты, которые хумчанин строил в избытке.

4.

– А вот это – наше последнее приобретение. – Гордо сказал Драйвер и показал на компьютер, внешне мало отличающийся от своих собратьев, рядами стоящих в этой подвальной комнате.

– И чем он так хорош? – Не удержался от вопроса Николай Андреевич. Корень достаточно редко посещал это место, предпочитая связываться со своим компьютерщиком по модему. Но сегодня с утра Драйвер связался с Репневым и настойчиво попросил его заехать. И теперь мафиози стоял в своём «центре искусственного интеллекта» и разглядывал однотипные коробки системных блоков.

Раньше и этот подвал, в районе Курского вокзала, и люди в нём работавшие, составляли мозговой костяк группировки Сивого. Но того вскоре после ареста замочил рыбаковский киллер и Кропаль, тоже ныне покойный, подсуетился, и прибрал это помещение, вместе со всем и всеми, кто в нём находился, к своим рукам.

После гибели Кропаля от рук ГУЛОВСКОГО убийцы, оно, по наследству, перешло к новому главе, Корню. Николай Андреевич, как и его предшественники, прекрасно понимал ценность такого приобретения и во всю использовал немалые компьютерные мощности. Здесь постоянно шли расчёты эффективности различных родов коммерческой деятельности, здесь хранились сведения почти на всех жителей России, отсюда взламывались защиты на компьютерных банках информации различных крупных компаний, полиций разных стран, вскрывались архивы секретных служб, начиная с ФСБ и кончая Моссадом. В этом компьютерном раю можно было получить исчерпывающую информацию на любого человека, не важно, где он живёт, в Москве, или на острове Пасхи.

Заведовал всем этим хозяйством человек по прозвищу Драйвер. Даже Николай Андреевич не знал его настоящего имени. Но Драйвер был выдающимся специалистом как в области программирования, так и по компьютерному «железу» и этого Корню было достаточно. Кроме того, компьютерщик никогда не задавал лишних вопросов, полностью выполняя все задания босса, и это делало его ценным вдвойне.

Репнев не скупился на оплату работы Драйвера, даже ввел его в совет девяти, «девятку», и был уверен, что перекупить его не сможет никто. Да и само существование этого центра держалось в таком строжайшем секрете, что даже главари конкурирующих преступных группировок могли лишь догадываться о его наличии, не то чтобы знать кто и над чем там работает.

– Это нейрокомпьютер третьего поколения. – Объяснил Драйвер. – Частота – два гигагерца, оперативка – четыре гигабайта, шесть процессоров, дюжина пятидесятигиговых винчестеров, и всё это в блоке обычной машины.

Николай Андреевич понимал, о чём идёт речь, но подобное перечисление наводило на него скуку:

– Хорошо, хорошо... Вижу, крутая техника. – Репнев шумно выдохнул через нос. – Говори, зачем тебе понадобилось моё присутствие?

Драйвер понимал нетерпение мафиози, но компьютерщику требовалось продемонстрировать, что средства, которые тратятся на содержание этого центра, идут не впустую, и поэтому он продолжил:

– Таких машин в мире всего три. Две – в Штатах, у разработчика. Одна – у нас.

– Да к чему ты мне всё это говоришь? – Начал раздражаться Николай Андреевич.

– Одной такой машины достаточно, чтобы рассчитать полёт к Марсу и обратно за несколько суток. – Невозмутимо произнёс Драйвер. – Это несколько сложнее, чем вычислить поведение конкретного человека.

На этот раз Репнев не стал выказывать нетерпение, чувствуя, что вскоре появится и то, зачем он сюда приехал.

– Я, как пример, взял нашего общего знакомого, Пономаря...

– И?..

– Вот результат...

Драйвер прикоснулся к клавиатуре. С монитора нейрокомпьютера исчезли гоняющиеся друг за другом люди с автоматами, продукт деятельности скринсейвера, и возникло другое изображение. Оно моментально приковало внимание мафиози.

На экране, лицом к Репневу, стоял Дарофеев. Его изображение было чётким, чуть ли не фотографическим. А перед Пономарём, на полу, лежал человек. Николаю Андреевичу не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что это именно он сам. Убитый. В этом не было никаких сомнений.

– Что это? – Резко спросил он у Драйвера.

– Вероятностное, на восемьдесят четыре процента «за», развитие событий. Смотрите...

Пальцы нажали несколько кнопок. Изображение сменилось. Теперь взору мафиози предстал кадр, изображающий сцену на несколько минут раньше. Картинка ожила, персонажи задвигались.

– Ты пытался лишить меня всего. – Раздался вдруг синтезированный, но очень похожий на настоящий, голос Игоря Сергеевича. Сам он в, тот момент, не обращая внимания на пистолет в руках Репнева, расслабленно стоял у стены. Действие происходило, скорее всего, в каком-то парке. В кадр попал старый разлапистый дуб, красная кирпичная кладка стены была выщерблена временем, кое-где виднелись пятна ярко-зелёного мха.

– Но пойми, в этот, последний момент твоей жизни. Я не мщу. – Продолжал Пономарь. – Я видел, что ты можешь натворить, и поэтому хочу лишить тебя этой возможности. Только и всего...

На экране Корень понял, что сейчас всё кончится и выпустил в стоящего несколько пуль. Но Дарофеев, казалось, не заметил выстрелов. Он ухмыльнулся и внезапно Николай Андреевич увидел, как он, там, упал сперва на колени, издав страшный, режущий уши, крик, а потом и вовсе распластался на траве, не подавая признаков жизни. Это и было то, первое изображение, которым Драйвер поразил мафиози.

– Что это? – Ошеломлённо пробормотал Корень.

– Прогноз событий. В качестве исходных данных было принято положение на текущий момент. – Голос компьютерщика был сух и беспристрастен.

– Когда? – Справившись с секундным замешательством, по-деловому спросил Николай Андреевич.

– Пятнадцать дней и четыре часа с минутами. Начиная с текущего момента.

– А другие варианты?

– На расчёт этого ушло двое суток. Других я просто не успел. Мне показалось, что важен именно этот результат. – Он посмотрел своему начальнику в глаза. Корень не нашёл в этом взгляде ничего говорящего о том, что Драйвер как-то рад возможной смене руководства. Напротив, всегда бесстрастный компьютерщик на этот раз был угрюм, но жалости, как при разговоре с обречённым больным, не было в его взоре.

Теперь Репнев понял, почему Драйвер так настаивал на личном визите. Если бы компьютерщик просто сказал этот прогноз, или прислал видеофайл по модему, Корень мог бы отмахнуться, не поверить. Но сейчас, когда мафиози собственными глазами увидел свою гибель, отношение к поступившей информации у него было совершенно иное.

– Хорошо... – Задумчиво пробормотал Николай Андреевич.

Если такое будущее результат тщательных расчётов, то из самого факта встречи Пономаря и его, Корня, в парке, следовало, что пленник должен вырваться на свободу. Но ведь это произойдет, если ничего не предпринимать. А у него, Репнева, есть целых две недели, чтобы принять надлежащие меры предосторожности.

– Так. – Мафиози принял решение. – Загрузи эту железяку полностью. Пусть она уверит, что будет, если Пономаря мочкануть. За сколько она это просчитает?

– Меньше суток. Но...

– Что ещё?

– Он сбежит сегодня ночью...

5.

Телохранители ждали Корня за железной дверью, которая вела в компьютерный подвал. Поднявшись по ступенькам, Николай Андреевич пропустил одного из них вперёд. Тот вышел, осмотрелся и, не заметив ничего подозрительного, пригласил босса следовать за собой.

Они гуськом прошли дворами до оставленного в одном из узких проулков бронированного «БМВ». Один из телохранов занял место водителя, второй сел рядом с Репневым на заднем сидении. Едва дверцы захлопнулись, машина тронулась и через несколько поворотов вышла на Садовое.

Едва оказавшись в «БМВ», мафиози схватил трубку спутникового телефона и позвонил в больницу, где содержался Дарофеев. Приказав этим же вечером ввести экстрасенсу смертельную дозу наркотика, Корень успокоился и попытался расслабиться.

Автомобиль уже подъезжал к дому на Кутузовском, где жил Николай Андреевич, как внезапно слева возник сине-белый «Мерседес» ГИБДДшников. Поравнявшись с «БМВ», милиционер, сидевший рядом с водителем, жестом приказал остановиться.

Телохранитель вопросительно обернулся на Репнева. Тот кивнул, считая такое странное поведение милиции обычным недоразумением.

Припарковавшись у бордюра, водитель Корня стал ждать милицию. Те остановились в десятке метров впереди, вскоре оба представителя закона покинули свой «Мерседес» и направились к машине мафиози. Такое поведение было совсем необычным и телохранители насторожились.

Высокий тощий гибэдэдэшник наклонился к окошку «БМВ» и постучал, требуя открыть.

– В чём дело? – Спокойно любопытствовал Корень. – Я депутат.

Николай Андреевич показал через стекло своё удостоверение.

Мент покачал головой и опять-таки жестом, приказал то ли выйти, то ли открыть окно. Телохран на заднем сидении незаметно извлёк пистолет.

И Репневу, и его людям уже было ясно, что их остановили не настоящие гибэдэдэшники. Но требовалось выяснить, с чьей стороны происходит этот наезд.

Водитель «БМВ» нажал кнопку, бронированное стекло поехало вниз. В тот же момент псевдомонт распахнул свой полушубок и попытался направить на сидящих в машине короткоствольный автомат.

Но телохранители Корня оказались проворнее. Два выстрела, водителя и второго, сидевшего рядом с Николаем Андреевичем, прозвучали почти одновременно. Послышался глухой удар и человек в милицейской форме отшатнулся.

Через мгновение на лице покушавшегося появилось недоумённая гримаса. Потом раздался хрип, из простреленного горла потоком хлынула кровь и неудачливый убийца, нелепо взмахнув руками, повалился навзничь, прямо под колёса проезжавшего мимо «ЗИЛа» с надписью «ХЛЕБ». Его водитель пытался было затормозить, но было уже поздно. Хлебовоз проехался по голове и груди убитого, грузовик развернуло на покрытом льдом асфальте и он боком ударил милицейский «Мерседес», а затем и повалился не него.

Второй из убийц, который стоял у капота, видя, что случилось с его напарником, казалось, совсем потерял голову. Он выхватил свой автомат и, пятясь, дал очередь по ветровому стеклу «БМВ». Пули благополучно срикошетили, не оставив на гладкой поверхности даже царапин.

В это мгновение сзади него, там, где «ЗИЛ» придавил милицейскую машину, раздался взрыв. Из-под лежащего грузовика вырвался клуб чёрного дыма, показалось пламя.

Взрывной волной второго убийцу бросило прямо на корневскую машину. Он ударился головой о стекло, которое мгновение назад хотел изрешетить пулями, и его тело сползло, оставляя снаружи широкий кровавый след.

– Возьми его. – Приказал Николай Андреевич, останавливая попытку водителя немедленно рвануть с места аварии.

Репнев переместился на переднее сидение. В это время его телохранитель заволок в машину оглушённого. Лишь после этого водитель дал газ.

Сзади осталась толпа зевак. Но второй взрыв заставил большинство любопытствующих отказаться от опасного занятия.

Глава 3

1.

В эту ночь произошло четыре странных события, каждое из которых подозрительно напоминало прошлогодние происшествия с убийцами-невидимками. Но на этот раз киллеров видели все, кто находился в непосредственной близости от жертвы.

Первым, если брать хронологический порядок этих преступлений, оказался глава Братеевской группировки, вор в законе по кличке Абдулла. Абдулла был поклонником восточной кухни и на этот вечер снял малый зал в недавно отстроенном рыбном ресторане на Чистых прудах.

Общество подобралось немногочисленное, но изысканное. Один известный поэт, два популярных композитора, несколько актёров и актрис, представители нескольких министерств, депутаты разных калибров и, естественно, приближённые Абдуллы.

Никто из них не обладал ясновидческими способностями и поэтому не был замечен тот факт, что на голове хозяина вечера появилось странное ячеистое энергетическое образование, постоянно испускавшее некий сигнал.

Вор в законе был молод. Он купил это звание ровно три года назад и теперь праздновал этот славный юбилей.

Но ровно в полночь случилось непредвиденное. Официант, подававший очередное блюдо мафиозному воротиле, внезапно ударил того тарелкой по голове.

Телохранители не успели должным образом среагировать, как Абдулла оказался по уши в салате из камчатских крабов. А в следующий момент официант, который, кстати, нёс на спине невидимое окружающим энергоинформационное образование, оставшимся у него в руке острым осколком фаянса одним движением перерезал вору в законе горло.

Кровь преступника хлынула на его белый костюм, забрызгала скатерть перед ним и проститутку, примостившуюся на коленях у расстёгнутой ширинки мафиози. Девушка, поняв что происходит, завизжала диким голосом, вскочила, ударила головой о стол и перевернула его вместе со всей снедью на присутствующих знаменитостей.

Лишь после этого телохранители убитого начали действовать. Они достали автоматы и с расстояния нескольких метров расстреляли официанта, проделав в его теле не менее трёх десятков отверстий.

Последовавшая за убийством и опрокидыванием стола стрельба порядка не прибавила и гости, спасаясь от выстрелов, кинулись кто куда. У выхода образовалась куча из тел политиков и деятелей культуры. Некоторые из них, обезумев, разбивали своими телами окна второго этажа и вываливались на морозный январский воздух.

В итоге, малый зал ресторана оказался разгромлен подчистую, а больницы Москвы пополнились полутора дюжинами пациентов с травмами различной тяжести. Второе и третье убийства не были столь зрелищны.

Преступного авторитета по кличке Зимара расстрелял его собственный телохранитель, когда они поднимались в лифте к квартире преступника. Другого заправила теневого бизнеса, Вовчика Рыжего, убила его подруга, вонзив тому в сердце вязальную спицу.

Четвёртого убийства не произошло. Потенциальная жертва, которой должен был стать вор в законе Рыбак, без посторонней помощи обезоружил прапорщика-вертухая, который пытался застрелить наркобарона на вечерней проверке. Причём произошло это на глазах

ДПНСИ (Дежурного помощника начальника следственного изолятора), подполковника Усачёва.

Второй прапорщик, сопровождавший проверяющего, скрутил отчаянно сопротивляющегося коллегу и покушавшийся был водворён в камеру неподалёку расположенного ШИЗО. Рыбак же, пользуясь моментом, потребовал у подполковника личного телохранителя. Усачёва, казалось, нисколько не впечатлила увиденная сцена, и он отказал. Но наркобарон настаивал. ДПНСИ колебался, артачился, зная при этом, что старик всё равно получит что хочет, и, наконец, дал своё согласие.

После того, как подполковник удалился, Рыбак запер за ним дверь и погрузился в размышления.

2.

Дарофеевский синий «Москвич» стоял на своём месте у подъезда дома целителя. Майор ФСБ Сергей Владимирович Изотов проходя мимо него покосился на мигающий красный огонёк светодиода. Изотов был одним из немногих, кто знал, что эта мигалка, обычно показывающая, что автомобиль снабжён сигнализацией, подключена к устройству, состоящему из трёх радиодеталей и служит лишь для отпугивания потенциальных воров.

Машину покрывал лишь тонкий слой снега, что говорило о том, что Пономарь не пользовался ею дня два. Сергей Владимирович знал нелюбовь целителя к общественному транспорту и несколько насторожился.

Через мгновение, настроившись на тонкое восприятие окружающего мира, Изотов уже знал, что Игоря Сергеевича дома нет. Это было вдвойне странно, ибо Сергей Владимирович был приглашён на сегодняшний вечер в гости к целителю на его день рождения. Кроме того, в квартире не было и Вити, воспитанника Дарофеева, которого тот, не без помощи майора, привёз из Хумска.

Фээсбэшник, в меру своих сил и возросших экстрасенсорных способностей, помогал Дарофееву в процессе воспитания, но мальчик с трудом переваривал новые для него концепции кармы и безупречности, что, собственно, можно было ожидать после тех бед, которые Витя, будучи ГУЛом, натворил в Москве, и если делать скидку на его возраст. Хумчанину лишь недавно перевалило за пятнадцать.

Стараясь не думать о чём-то тревожном, Сергей Владимирович вернулся к своей машине. Захлопнув за собой дверцу, майор включил двигатель, приоткрыл окошко, но трогаться с места не спешил. Пока мотор прогревался на холостых оборотах, Изотов порылся в записной книжке и нашёл номер Кости Дарофеева, младшего брата целителя, который служил в войсках специального назначения.

Машина у майора была служебная, снабжённая радиотелефоном. По нему-то майор и позвонил Константину Сергеевичу. Дарофеев-младший подошёл после первого же сигнала.

– Это Изотов. – Представился фээсбэшник.

– А, Сергей Владимирович. – Узнал Константин. По голосу чувствовалось, что он улыбается. – Я тут задерживаюсь немного... Но скоро буду. Передавайте Игорю привет и мои поздравления.

– Не могу. – Грустно усмехнулся Изотов.

– Почему? – Обескуражено спросил младший Дарофеев.

– Его нет дома. И где он – не знаю.

– Вот как... А не случилось ли чего?

– Пока не знаю...

– А вы где?

– Рядом с домом Игоря. – Честно ответил майор.

– Тогда подождите. Я через четверть часа подъеду. – Крикнул в трубку Константин и в ухо Сергею Владимировичу ударили частые гудки отбоя. Изотов опять набрал номер дарофеевского брата. На этот раз ответ последовал лишь через добрый десяток гудков.

– Костя. – Строго сказал майор. – Не кипятись! Никуда ехать не надо. Я сам разберусь и если нужна будет твоя помощь – опять позвоню. Договорились?

– Да... – Недовольно пробурчал Дарофеев-младший и сухо попрощался.

Сергей Владимирович немедленно начал действовать.

Внешнему наблюдателю показалось бы, что человек просто остановил свою машину и заснул за рулём, положив затылок на высокий подголовник. На самом же деле Изотов погрузился в глубокую медитацию, в которой, с помощью обрётённого год назад ясновидения, майор хотел найти Дарофеева.

Способность к этому пришла к фээсбэшнику совершенно неожиданно. Она сперва была спровоцирована воздействием ГУЛа и должна была служить весьма недобрым целям. Потом же, с помощью Пономаря, Изотов перестал быть зависимым от приказов хумчанина, но парапсихические способности у него Дарофеев оставил. Ими «заведовало» энергоинформационное образование, программа, которую ГУЛ поместил на спину майора и которую модифицировал Игорь Сергеевич.

Потом, когда влияние Главного Управляющего Людьми на его жертвы было нейтрализовано, майор лишился своей программы, но экстраординарные способности, как ни странно, у него остались. Дарофеев объяснял это тем, что энергосистема Сергея Владимировича запомнила то комфортное состояние повышенного уровня активности и научилась поддерживать его самопроизвольно.

Но способности и возможности это одно, а умение ими пользоваться – несколько другое. Поэтому фээсбэшник получил от Пономаря множество уроков и к нынешнему моменту был хотя и не так опытен, как наставник, но владеть своим даром научился весьма уверенно.

Для начала Изотов попытался наладить телепатический контакт с Игорем Сергеевичем. Для этого не требовалось знать месторасположение того, с кем обмениваешься мыслями.

Связь образовалась почти без проблем. Они возникли мгновением позже. Майор буквально захлебнулся в волне густой эйфории, исходившей от Дарофеева. Целитель излучал с яростью пошедшего вразнос ядерного реактора. И это при его вошедшей в плоть, кровь и подсознание установкой всеми способами сберечь личную энергию!

Сергей Владимирович немедленно отключился, но заряд силы, который он получил, заставил майора выскочить из автомобиля и сделать вокруг него с несколько десятков кругов. Наведённое наслаждение прошло лишь через четверть часа. За это время, утапывая вокруг машины круговую дорожку, Изотов сообразил, что целитель, скорее всего, находится под воздействием каких-то химических препаратов. Возможно, наркотиков. Но, что самое главное, Дарофеев жив.

«Возможно, он в данный момент находится на операции.» – Подумал Сергей Владимирович. – «Но тогда ему тем более необходима моя помощь! И вообще, что же с ним случилось?..»

По умениям Пономарь далеко превосходил майора и последнему казалось невыносимым чтобы Игорь Сергеевич мог получить хоть какую-нибудь травму.

Возвратившись на водительское место, Изотов стал действовать по другому. Осторожнее. Теперь ясновидящий превратил своё биополе в чувствительный локатор, который как бы сканировал окружающее энергоинформационное поле, выискивая направление, откуда идёт характеристическое излучение личности Игоря Сергеевича. В этом тонком пространстве, на восприятие которого настроился майор, «сходились» излучения всех обитателей Земли. Если перевести получаемую фээсбэшником информацию в зрительные образы, то он

очутился в месте, которое сплошь было забито пересекающимися друг с другом световыми «яйцами» самых разных размеров. Впрочем, собственно яйцеобразных объектов там было весьма мало. Большинство напоминало формой груши черенком кверху или грибы, ножкой книзу. Кроме того, подавляющая часть из них казалась покрыта тёмными язвами, следами разного рода болезней.

Тонкое тело Пономаря, в таком восприятии было больше похоже на шар, но с некоторыми утоньшениями сверху и внизу.

Сергей Владимирович без особых сложностей нашёл в этом хороводе энергетическое яйцо Дарофеева. Уже один его внешний вид позволял заподозрить неладное. Во первых оно стало гораздо темнее, чем обычно, а во вторых изменилась сама его форма. Оболочка Игоря Сергеевича напоминала даже не грушу, а перевернутый гриб-поганку с тонюсенькой ножкой. Это говорило, что владелец такого тонкого тела живёт лишь животными страстями, не проявляя почти никакой высшей нервной деятельности. То, что перед фээсбэшником именно тот человек, которого он разыскивает, говорили лишь те особые вибрации, которые отличали одну личность от другой. Эти, без сомнения, принадлежали целителю.

Сознание майора переместилось к самому хозяину искорёженного поля. И вовремя.

Игорь Сергеевич лежал на кровати с закрытыми глазами. Судя по его внешнему виду, да и по излучениям его тела, у целителя не было никаких физических повреждений. Но дисфункции некоторых внутренних органов уже наличествовали. Почки, печень, не справлялись с нагрузкой. Сердце, которое сутки подряд, как понял Сергей Владимирович, поддерживало темп сокращений под двести ударов в минуту. В мозгу целителя фээсбэшник нашёл несколько свежих микроинсультов. Короче, организм Пономаря работал на износ и предел жизнеспособности был уже близок.

Увидев то, что сотворили с другом и наставником, майор должен был бы ужаснуться, но на эмоции времени не оставалось. Следовало срочно вывести Дарофеева из бессознательного состояния, подлечить, по мере возможностей и, как можно скорее освободить из этого места.

Слегка активизировав восстановительные процессы в теле Игоря Сергеевича, Изотов принялся за нейтрализацию в его крови наркотического средства. В первый же момент этой работы обнаружилось что Пономарю дают не один наркотик, а смесь разных препаратов. Поэтому каждый из них следовало деструктурировать отдельно.

Майор уже закончил половину необходимых манипуляций с чужеродными молекулами, как в помещении, где лежал Дарофеев, почувствовалось чужое присутствие.

Отвлечшись от целительства, Сергей Владимирович настроился на восприятие физических объектов, окружающих Пономаря. Эти объекты оказались двумя дюжими молодцами, несущими принадлежности для инъекций.

Изотов понял, что если допустить очередной укол, то все его усилия пойдут прахом и немедленно начал действовать. Дождавшись момента когда один из парней возьмёт шприц, фээсбэшник пропустил через руку, которая должна была делать укол, силовой энергетический шнур. Пошевелив им, Сергей Владимирович удостоверился, что рука «медбрата» подчиняется его воле и вновь стал ожидать.

Вскоре парень со шприцом нацелился иглой на сгиб локтя Дарофеева и, в тот момент, когда она должна была войти под кожу, слегка дёрнул руку колющего. Стальное острие пошло параллельно руке целителя и вонзилось в закатанный рукав пижамы.

В следующее мгновение Изотов заставил парня увидеть, что игла вошла в вену «пациента». Поршень шприца пополз вниз, выдавливая из него жидкость в ткань дарофеевской одежды. Второй при этом отвернулся и не заметил что наркотик пропадает без дела.

Вскоре парни ушли, а майор продолжил сеанс целительства.

Работы было невпроворот. Несколько дней непрерывного наркотического транса сильно истощили организм Игоря Сергеевича и наладить в нём всё как было за один раз оказалось для фээсбэшника-экстрасенса непосильной задачей. Вскоре Изотов выдохся. Он вышел из медитативного состояния и взглянул на часы. Они показывали половину одиннадцатого. Оказалось, что целительство заняло у Сергея Владимировича без малого четыре часа.

Отжав, было, сцепление, майор готов был поехать на выручку другу, но вспомнил, что так и не определил, где конкретно тот находится. Изотову пришлось вновь настраиваться на ясновидение.

Мысленно взлетев над Москвой, фээсбэшник увидел в одном из районов города пульсирующую зелёную точку. «Маяк» Дарофеева. Целитель находился где-то в районе Бирюлёво. Сергей Владимирович нашёл улицу, дом, в котором содержался Дарофеев, определил расположение палаты. Теперь уже можно было ехать.

3.

Ничто не выдавало того, что за этим обычным бетонным забором находится больница. На железных, ярко освещённых двумя прожекторами воротах, не было никаких табличек. Улица была на удивление пуста. Лишь в будке рядом с въездом на территорию, сидел охранник. Изотов из окна машины видел как иногда покачивается его меховая шапка.

Поверху ограды шла колючая проволока. Можно было бы, конечно, перелететь через неё, или, став невидимым, пройти мимо охранника, но Сергей Владимирович запоздало сообразил, что так и не провёл рекогносцировку. Лезть в неизвестное место, не зная, что и кто там может встретиться, было, по крайней мере, опрометчиво. Вздохнув, Изотов вновь отделил сознание от тела и начал путешествие по территории клиники.

Сразу же выяснилось, что забор не так прост, как казалось снаружи. Фээсбэшник, в своём тонком теле сразу наткнулся на несколько инфракрасных лучей, проходивших на разных уровнях от поверхности земли параллельно забору. А под снегом электромагнитное излучение выдавало множество вибрационных датчиков, которые могли дать сигнал тревоги если кто-нибудь просто прошёл бы мимо. Преодолеть эту линию сигнализации можно было лишь по воздуху. Но Изотов не был силен в таком способе перемещения. Подняться в воздух он мог, но его тело вело себя там как воздушный шарик, его болтало воздушными потоками, и справиться с этим, заставить себя лететь куда нужно, Сергей Владимирович мог лишь с помощью невероятных усилий.

Продолжив разведку, майор определил, что здание, где лежит Пономарь так же находится под охраной. Мало того, что по четверо вооружённых мужиков сидели в помещении у каждого входа, пробиться к ним можно было лишь преодолев десятиметровую полосу, по которой кружили голодные овчарки.

А у палаты самого Дарофеева тоже дежурили трое дюжих молодцев. Дежурили?

Изотов пригляделся. Нет, все охранники в разных позах спали на полу, обнимая автоматы, как будто это были любимые игрушки. Один из боевиков даже пускал слюни и во сне нежно поглаживал дуло оружия.

Самого Дарофеева в палате не было.

Глава 4

1.

Он открыл глаза и понял, что проснулся.

Тело было на удивление лёгким, настроение – приподнятым. Хотелось завопить во весь голос что-нибудь бравурное, развернуть плечи и совершить подвиг.

Но оглядевшись, он вспомнил, что находится в больнице. И что его зовут... На память пришло лишь прозвище – Пономарь. Ну, Пономарь, так Пономарь. Не хуже и не лучше других кличек.

Он свесил ноги с кровати и резко сел. От движения в руке возникла непонятная боль. Он посмотрел на свой локтевой сгиб, и в пронзительно-белом свете фонаря за окном обнаружил там многочисленные мелкие коросточки и обширный, во всю ширину руки, синяк.

Теперь перед его мысленным взором возникла картина, как двое мужиков делают ему укол. Грубо заголяя его руку, безжалостно втыкая иглу под кожу и ещё ворочая ею там, чтобы воткнуть в ускользящую вену.

Вспомнилось, что он хотел бежать отсюда. И как только у Пономаря промелькнула эта мысль, пришло чувство опасности. Бежать? Да! Но это будет не так просто...

Откуда-то он узнал, что за дверью сидят трое вооружённых охранников. Поймав себя на уверенности в этой информации, Пономарь удивился и секунду раздумывал, доверять этому ощущению, или нет. И, решив, что практика – критерий истинности, смело шагнул к двери.

Бесшумно переступая босыми ногами, тапочек в палате не оказалось, Пономарь подкрался к двери. Прислушался. Ему почудилось, что там действительно кто-то дышит.

Беглецу вдруг захотелось, чтобы те, кто находится там, в коридоре, заснули сладко-сладко. Сном младенцев. И в этот момент что-то произошло. Пономарь не понял, что именно, но ощущение было таким, что от него внезапно что-то отделалось и это что-то исчезло за дверью. Через мгновение послышался грохот.

Подождав секунды две, Пономарь приоткрыл дверь. В образовавшуюся щель хлынул яркий свет люминесцентных ламп и в нём он увидел чьи-то ноги. Ноги эти принадлежали лежащему на полу парню. Он, очевидно, заснул и опрокинулся вместе со стулом, на котором сидел.

Выскользнув из-за двери, Пономарь обнаружил ещё двоих. Эти тоже спали. Причём, как было видно, заснули они лишь несколько мгновений назад. Иначе, не чем было бы объяснить слегка напугавший беглеца грохот.

Но удивляться времени не было. Поняв, что удачей надо пользоваться немедленно, Пономарь, огляделся. В пределах видимости никого не было. Он автоматически посмотрел на дверь палаты. Триста четырнадцатый номер. Следовательно, он находится на третьем этаже.

Стараясь наступать на внешний край стопы, он побежал по коридору. При таком способе передвижения босые ноги не шлёпали, и была вероятность, что побег не заметят.

Миновав закуток, в котором стоял стол с телефоном, Пономарь остановился. На вешалке, рядом с умывальником, висели белые халаты. Решив, что камуфляж ему не повредит, он развернулся и снял один из них. Уже надев врачебную униформу, Пономарь понял, что пуговицы на халате застёгиваются на женскую сторону. Кое-как справившись с обла-

чением, он обнаружил и несколько пар шлёпанцев. Все они оказались малы, но это было лучше, чем ничего.

И лишь взглянув в зеркало, Пономарь понял, что вся маскировка была совершенно бесполезной. Его щёки покрывала многодневная щетина. В таком виде не мог появиться ни один врач...

В его мозгу что-то щёлкнуло. Врач. Ведь он здесь вроде как на лечении. И, следовательно, именно тут, в сестринском «аппендиксе» должна храниться его карточка. А в ней – все сведения об его личности!

Несмотря на опасность обнаружения, Пономарь распахнул ближайший к умывальнику шкафчик. Ему повезло с первого захода. Пространство за дверцами занимали аккуратные ячейки с написанными на них номерами палат. Найдя свой, 314-й номер, он вытащил единственную находившуюся в ячейке карточку.

Несмотря на то, что следовало бы поспешить, Пономарь прочитал всё, что было написано и на титульном листе, и внутри. Выяснилось, что его зовут Харитоньевский Глеб Дмитриевич, что ему сорок четыре года. Там же был и его адрес и диагноз: сотрясение мозга.

А на последней странице, Пономарь обнаружил вклеенный листок, в котором говорилось, что его вещи хранятся на складе в той же триста четырнадцатой ячейке.

Глеб Дмитриевич знал, что на улице зима, а бегать по ночным морозным улицам в пижаме и тапочках на босу ногу – верный способ попасть в другое заведение аналогичного профиля.

Лестница начиналась через несколько метров от сестринского закутка. Пономарь, засунув на всякий случай карточку в карман пижамы, повесил на шею валявшийся на виду стетоскоп и нагло зашагал вниз.

Подвал встретил его сыростью, нагромождениями каких-то котлов и поломанных стульев. Преодолев его из конца в конец, Глеб Дмитриевич наконец нашёл необходимую ему дверь с крупной надписью «Склад личных вещей». Дверь, естественно, оказалась заперта. Пономарь безнадежно подёргал за ручку. Бронированное чудовище не шелохнулось. Нет. Не открыть... И не выбить...

И вдруг его глаза увидели внутренность замка. На глазах удивлённого беглеца, там зашевелились пружинки, что-то повернулось, щёлкнуло, двухсантиметровые штыри, удерживавшие преграду на месте покинули пазы, в которых покоились и втянулись в металл двери.

Глеб Дмитриевич двумя пальцами толкнул её и она бесшумно распахнулась.

И вдруг, опять каким-то шестым чувством, он понял, что тем самым вызвал тревогу. Что счёт идёт уже не на минуты, а на секунды. Влетев в помещение склада, Пономарь, не осознавая, что делает, в полнейшей темноте, повернул сперва направо, потом налево. Остановился у какого-то шкафчика и рванул на себя его дверцу. Он не глядя схватил вешалку с одеждой, прихватил ботинки и так же стремительно выскочил наружу, захлопнув за собой бронированную дверь склада. На бегу он как-то её запер и, завернув в какое-то помещение, притаился за ярусами стоявших там ящиков.

Через мгновение прогремели шаги. Потом раздалось непонятное лязганье, а под конец грубый голос проворчал:

– Вот, сучья техника!..

После этого шаги удалились в обратном направлении.

А Пономарь вдруг обнаружил, что превосходно видит в темноте. Стараясь не шуметь, он снял с себя казённые одеяния, разобрался в брюках и рубашке, натянул на ноги тёплые носки, ботинки, облачился в длинное пальто. Не забыл переложить в один из карманов похищенную карточку со своим адресом.

Теперь надо было покинуть здание.

Поднявшись на первый этаж, Пономарь направился, было, к выходу, но едва он вышел в вестибюль, где, по стандартной схеме, должен был находиться вход в корпус, Харитоньевский замер на месте. Спинами к нему, в рядок, сидели четверо. Стоило одному из них случайно оглянуться – и беглого пациента отправили бы обратно в палату. От сидящих исходила такая угроза, что Глебу Дмитриевичу захотелось спрятаться, стать невидимкой...

И, опять неожиданно для себя самого, Пономарь понял, что он невидим!

Он неловко переступил с ноги на ногу, один из охранников моментально среагировал на шум и обернулся. Внимательно посмотрев на беглеца, он повернулся обратно и вполголоса продолжил беседу.

Понимая, что такое состояние не может продлиться вечно, да и от безвыходности положения, в которое он себя загнал, Пономарь смело прошёл мимо мужиков с автоматами. Приоткрыл входную дверь, вышел в тамбур и медленно притворил её за собой. Прислушался. Голоса продолжали бубнить, реакции на то, что мимо только что прошёл незнакомец не последовало.

Облегчённо вздохнув, Пономарь потуже натянул на голову ондатровую шапку и вышел на улицу. Но не успел он сделать первый вдох ледяного воздуха, как послышался скрип снега. Повернувшись на звук, Глеб Дмитриевич увидел несущуюся на него огромную собаку. Та бежала совершенно беззвучно. Лишь удары лап по снегу позволили беглецу обнаружить присутствие опасного животного.

Пар вырывался из пасти собаки, и с каждым мгновением она была всё ближе.

– Я же свой... – Пролепетал Пономарь. И опять что-то невидимое изменилось.

Собака прыгнула на беглеца, но не вцепилась зубами в его плотку, а стала, радостно поскуливая, вылизывать шершавым языком его щёки и нос.

– Хватит, хватит... – Взмолился Глеб Дмитриевич. – Хорошая собачка. Хорошая...

Пёс опустил на все четыре лапы, потом сел, преданно всматриваясь в лицо Пономаря.

– Где здесь выход? Ты мне покажешь?

Почти по человечески зевнув, овчар поднялся и потрусил куда-то вперед. Через три шага он повернул голову, чтобы убедиться, что беглец следует за ним.

Собака привела Харитоньевского к калитке в ограде из металлических прутьев. За ней виднелась утоптанная дорожка, которая вела к видневшимся за стволами деревьев воротам.

– Спасибо, псина. – Прошептал Пономарь и потрепал овчару по голове. Тот тихо тявкнул и беглый пациент ступил за ограду.

2.

Внезапно Изотов почувствовал сильнейший выброс биоэнергии. На выработку такой мощности, среди знакомых Сергея Владимировича, был способен только один человек. Дарофеев.

И действительно, вскоре над воротами показалась голова Игоря Сергеевича. Она удивлённо озиралась. А через несколько секунд выплыло и всё тело целителя. Полы его светлого пальто раздувал ветер и издали они могли показаться спелёнутыми крыльями ангела, который никак не может их развернуть в полный размах.

Майор завёл двигатель и начал подъезжать к месту вероятного приземления друга. Оно, как на зло, оказалось непосредственно перед будкой охранника.

Дарофеев медленно опустился на заснеженный асфальт. Мужик в будке не заметил откуда появился этот человек и, высунувшись в дверь по пояс, сурово проговорил:

– Чего тут шляешься?! Проваливай! Не положено тут!..

Игорь Сергеевич заметил подъезжающую машину Изотова и отчаянно замахал рукой, «голосуя». Сергей Владимирович, обескураженный таким поведением Пономаря, остановился и открыл дверцу.

– Шеф, мне в Беляево!

И целитель замер, ожидая ответа.

– Садись. – Нетерпеливо сказал майор и Дарофеев быстро уселся на сидение рядом с водителем. Дверца хлопнула, фээсбэшник дал по газам.

– Сколько? – Спросил вдруг Пономарь.

– Чего сколько? – Не понял вопроса Сергей Владимирович.

– Возьмёшь сколько?

– Ты о деньгах? – Догадался Изотов.

– Ну, да! О чём же ещё?

– Да, ничего не возьму...

Глеб Дмитриевич обалдело уставился на незнакомого водителя. Чтобы человек за так согласился довезти, такого на памяти Харитоньевского не бывало. А что, собственно, бывало на его памяти? Пономарь силился вспомнить и не мог.

Всю дорогу он молчал. Лишь проезжая горящие буквы «М» у станции «Калужская», предупредит шофёра:

– Мне на улицу Островитянова.

– А чего ты там забыл? – Спросил водитель.

– Как чего? – Опешил Глеб Дмитриевич. – Я там живу.

После этой фразы водила как-то странно посмотрел на Пономаря и протянул:

– Ну-ну...

Странное дело, но Глеб Дмитриевич напрочь забыл расположение своего дома. Впрочем, чего тут странного? Ведь в его памяти не сохранилось почти ничего. Они минут двадцать колесили по дворам хрущёвок, пока фары автомобиля не высветили номер, который значился в карточке Харитоньевского.

– Здесь. – Радостно выпалил беглец.

– Здесь, так здесь... – Равнодушно пожал плечами водитель. – Тебя подождать?

– Зачем? – Удивился Пономарь. Но входя в подъезд, в котором была его квартира, он оглянулся и увидел, что машина, на которой он приехал всё ещё стоит.

Поднявшись на третий этаж, Харитоньевский нашёл нужный ему номер. Порывшись в карманах, он обнаружил связку ключей, но, почему-то, ни один из них к замку не подошёл. Глеб Дмитриевич выругался и нажал на кнопку звонка. В квартире было тихо. Пономарь надавил ещё раз.

Лишь после этого послышались шаги и из-за двери сонный мужской голос раздражённо спросил:

– Кого чёрт принёс?

– Это я, Глеб Дмитриевич...

– Кто «я». – Спросили из-за двери.

– Харитоньевский. Открывайте.

– С какой стати? Уже после одиннадцати! Имею право!

– Я – Глеб Дмитриевич Харитоньевский! – Громко и отдельно сказал Пономарь. Ему уже надоело препирательство с невидимым собеседником.

– Чего?

– Я – Глеб Дмитриевич Харитоньевский.

– Дудки! – За дверью рассмеялись. – Глебка Харитоньевский – это я. А если ты нажрался, что меня с собой перепутал – иди и проспись. Алкаш!..

Пономарь несколько минут колотил в дверь, требуя чтобы его впустили. Но вскоре квартира открылась и оттуда появился мужичок, поперёк себя шире, который схватил незваного гостя за шиворот и, невзирая на протесты, столкнул с лестницы.

Отряхнувшись, Пономарь прихрамывая спустился на улицу. Автомобиль, доставивший его сюда, всё ещё стоял. Беглый пациент направился к нему. Постучал в окошко. Водитель открыл.

– Вы что-то про меня знаете? – Пономарь почему-то перешёл на «вы». Шок от того, что ему подсунули чужое имя, полностью выбил беглеца из равновесия.

– Кто я?! Вы знаете?! Скажите мне!! Я ничего не помню!!! – И Пономарь осел по дверце машины и горько разрыдался.

Водитель выскочил, помог плачущему усесться, сам занял своё место и потихоньку начал выруливать из дворов.

– Кто я? – Повторил Пономарь.

– Игорь Сергеевич Дарофеев. Народный целитель. Профессор Академии Эниологии.

– Да?

– Именно так...

– А... Вы кто тогда?..

– Я, – Сказал водитель, покосившись на Дарофеева, – Изотов. Майор ФСБ.

– ФСБ? – Переспросил Пономарь. – И вы меня арестовали?..

– Нет, Игорь. Я, – вроде бы как, твой друг...

3.

На этот раз ключ подошёл. Дарофеев открыл бронированную дверь собственной квартиры и в нерешительности замер на пороге.

– Что ты? – Изотов положил руку на плечо целителя. – Заходи. Это же твой дом...

– Но я не помню как я тут жил... – Поёжился Игорь Сергеевич. До него только сейчас начал доходить весь ужас того положения, в котором он вдруг оказался. Один, никого и ничего не помнит, не знает. Он попытался представить себе, что это значит, быть народным целителем. И вообще, что это за профессия? Экстрасенс? Но ведь у него нет никаких способностей к этому.

Никаких?!..

И Пономарь внезапно шаг за шагом вспомнил обстоятельства своего побега из больницы. Как вдруг, ни с того ни с сего, заснули охранники у палаты, как он смог отпереть дверь склада, как смог пройти мимо поста у выхода из клиники, как подружился с собакой и перелетел через ограду... Нет, такое простому человеку не под силу... Так, значит он – маг? Волшебник? Тем во сто крат обиднее, что он полностью об этом забыл...

Игорь Сергеевич сделал шаг внутрь квартиры, в темноту. Автоматически протянув руку, он нажал выключатель, и в прихожей зажглась лампа.

Изотов невесело рассмеялся:

– Выходит, чего-то ты ещё помнишь...

Они разделись, прошли внутрь. Пономарь рассматривал незнакомую обстановку. Это, как видно, гостиная. Стенка, диван, кресла. Балконная дверь. В стенке, за стеклом, вместо обычной посуды, коллекция разнообразных стеклянных многоугольников и шаров.

На моноблоке фотография в рамке. Дарофеев взял её в руки. Там был изображён он сам, только несколько моложе, молодая женщина, которую он обнимал, а между ними – девушка-подросток, лет пятнадцати.

– Кто это?..

– Твоя жена и дочь. – Сухо ответил Изотов.

– А где они сейчас?

– Умерли. – Был ответ.

«Умерли.» – Повторил про себя Игорь Сергеевич. – «А я об этом ничего и не знаю...»

«Ничего...» – Прозвучал в его голове голос фээсбэшника. – Я думаю, всё у тебя восстановится...»

Пономарь медленно повернулся к майору:

– И ты тоже...

– Твоими стараниями, между прочим... – Показал палец Сергей Владимирович.

– Но я...

– Не помнишь... Знаю, знаю... Точнее, понял, понял... – Изотов покачал головой. – Даже не знаю, что тебе посоветовать... В общем так, давай-ка ты спать, а завтра с утра – я у тебя. Там что-нибудь придумаем. Договорились?

Пономарю ничего не оставалось делать, как согласиться.

4.

Лечь спать, как советовал Изотов, Игорь Сергеевич смог лишь около четырёх утра. До этого времени он устроил своего рода методичный обыск своей собственной квартиры.

Начался он с кухни, где Дарофеев приготовил себе ужин, почти не задумываясь над тем, что где хранится. Покончив с едой, Пономарь прошёл в комнаты и перерыл все шкафы и ящики. В результате поисков нашёл его паспорт, действительно на имя Игоря Сергеевича Дарофеева. Куча визитных карточек, а среди них и кредитные, от «American express» и «VISA». Все с фамилией Дарофеева. Обнаружились залежи медицинских карт бесчисленного количества пациентов. Пономарь пролистал некоторые, все они были заполнены его почерком. Что-что, а свой почерк Пономарь помнил.

Поняв, что разбираться здесь можно сутками, Дарофеев, теперь он пытался привыкнуть и в мыслях называть себя так, отправился в спальню. Раздевшись донага, Игорь Сергеевич откинул покрывало, накрылся одеялом и сразу же заснул между двумя прохладными шёлковыми полотнищами.

Он не мог сказать, видел ли сны в своей предыдущей жизни, той, что была у него до потери памяти, но сейчас видения следовали одно за другим. В них он действительно был экстрасенсом с мировой известностью, или учился биоэнергетике.

В этих снах Дарофеев в торжественнейшей обстановке, под фанфары, получал диплом о присвоении ему звания Академика Эниологии. И неважно, что теперь он не знал, что это за наука, сама атмосфера вручения наполняла его силой и гордостью.

Он встречал первого исцелённого пациента. Тот рассыпался в благодарностях и Дарофеев махал на него руками, говоря:

– Да что вы, в самом деле? Это же было так просто...

Зная при этом, что просто-то как раз и не было.

Он шёл в ЗАГС с молодой девушкой, той, что была изображена на снимке. Из путь усеивали лепестками белых роз. А невеста прижимала к груди такой букет, что он полностью скрывал её от чужих завистливых взоров. А Дарофеев был и счастлив и горд.

А потом, когда Лиза показывала ему из окна роддома новорожденную Светланку, Игорь взвивался в воздух, долетал до четвёртого этажа и, в приливе неопишуемой нежности, целовал и жену, и кричащую благим мотом дочку.

И, почти как в тех снах, что снились ему в наркотическом бреду, Пономарь чувствовал, что всё было иначе, не так торжественно, но это ощущение настигало его исподволь, маячило на самых дальних границах сознания и совершенно не портило того ощущения счастья, могущества и свободы, которое испытывал Дарофеев.

Глава 5

1.

Большую часть ночи Корень лично допрашивал захваченного киллера. После того, как незадачливого убийцу раздели и привязали к стулу, обнаружились две интересные детали. На правом запястье парня обнаружилась небольшая трёхцветная татуировка в форме рыбки, очерившейся множеством острых шипов. Это была своеобразная визитная карточка членов группировки Рыбака. Количество шипов и цветность наколки говорили о том, что перед Репневым не простой исполнитель, а, по крайней мере, руководитель бригады.

Вторая находка была сделана в подмышечной впадине киллера. Там парни Николая Андреевича обнаружили вживленную в вену канюлю. Она было телесного цвета и почти неотличима на фоне кожи. Наличие такого приспособления говорило о том, что его обладатель – хронический наркоман.

С подобного рода субъектами разговор можно было начинать лишь после того, как у них начнёт кончатся действие предыдущей порции наркотика. Корню удалось прикорнуть на несколько часов, пока его не разбудил дикий вопль.

– Раскумариться дайте, гады!!!

Но в квартире, где сейчас находился Репнев и покушавшийся, наркотиков не было. Обыск одежды пойманного рыбаковца тоже ничего не дал. Зато телохранитель Николая Андреевича нашёл в одном из карманов милицейского полушубка одноразовый шприц. Его наполнили водой и покачали перед носом наркомана. После этого тот согласился отвечать на вопросы.

Но, как выяснилось, знал он не много, но сведения, которыми располагал наркоман оказались достаточно ценными. Рыбак, дожидавшийся суда в Бутырке, в то же самое время принимал самое активное участие в восстановлении своей наркоимперии. Старому вору в законе каким-то образом удалось вычислить, что то покушение, которое на него было, организовано Корнем с помощью ГУЛа. И попытка убить Корня являлась ответным ходом.

После того, как из рыбаковского бригадира вытянули всё, что ему было известно, один из телохранителей Репнева согласился сделать тому инъекцию. Телохран незаметно для наркомана вылил из шприца воду, наполнил его воздухом и ввёл тот в вену киллеру. Рыбаковец через мгновение заорал, но воздух, попав в сердце быстро отправил наркомана на поиски нового воплощения.

За время допроса, сопровождавшегося воем и руганью, Репнев порядком подустал, но выспаться ему не дали.

Около шести утра Николая Андреевича разбудил настойчивый телефонный звонок. Номер спутникового телефона мафии знали лишь несколько особо доверенных человек, и ни один из них не стал бы беспокоить Корня без дела или по пустяковому поводу.

– Да... – Спросонья рявкнул в трубку Николай Андреевич.

– Это Доктор. Пономарь сбежал...

Доктор – было прозвище главного врача больницы, которую содержал Репнев. С того мигом сошёл весь сон.

– Как?! Когда?! – Закричал Репнев в динамик.

– Сегодня ночью... Как – никто не знает. Все охранники разом заснули...

– Но ему должны были дать «золотой укол»! Почему этого не сделали?! – Яростно орал мафии.

– Я отдал такое распоряжение. – Тихо ответил Доктор. – И лично проследил за подготовкой. Доза была в два раза выше летальной.

– Я с тебя голову сниму! – Зловещим голосом пообещал Репнев и нажал кнопку, разъединившую связь. Вторая кнопка, на которую надавил Николай Андреевич, вызывала из памяти телефона номер Драйвера.

Компьютерщик, как казалось Корню, вообще никогда не спал. И Репнев через мгновение услышал голос Драйвера, говоривший:

– Какие будут приказания?

– Группу из четырёх человек на захват Пономаря. Чтоб замочили его где-нибудь за городом! Через мгновение, Николай Андреевич сообразил, что поторопился. Ведь ему не было известно, где именно находится Дарофеев.

– Кстати, куда Пономарь подевался после побега? – Закинул удочку мафиози.

– Судя по компьютерному прогнозу – он должен находиться в своей квартире. – Поделовому сухо ответил Драйвер.

– Тогда направь ребят по его адресу. Об исполнении доложить немедленно!

– Хорошо. – Чуть ли не весело сказал компьютерщик и отключился.

2.

Около семи утра у единственного подъезда четырнадцатизэтажного дома на Рублёвском шоссе остановился бежевый «Москвич». Эта машина была угнана двадцать минут назад с улицы 1905-го года вместе с владельцем, который связанный лежал в багажнике.

Из автомобиля вышли три молодых парня в спортивных куртках и, поднявшись на лифте на одиннадцатый этаж, позвонили в дверь одной из квартир. Не открывали долго. Но, минуты через три, из переговорника послышался голос:

– Кто?

– Свои. – Ответил один из визитёров. – От Владимира Петровича.

Дарофеев задумался на мгновение. Кто такой Владимир Петрович? Вряд ли это тот, кто заточил его в больницу. Ведь иначе было бы непростительной глупостью приходить прямо к нему домой, предъявляя как пароль это имя. В широкоугольном глазке был виден только один парень. Он стоял, переплетя пальцы внизу живота и мило улыбался.

То, что пришедший ляпнул первое пришедшее на ум сочетание, Пономарю в голову не пришло. Его ещё кольнуло какое-то смутное подозрение, но оно пришло слишком поздно, когда дверь уже оказалась открыта.

Парни, отпихнув хозяина квартиры, нагло вломились внутрь. В свете бра, Игорь Сергеевич заметил, что двое из них держат в руках пистолеты. Третий, тот, что улыбался, приказал:

– Одевайся.

Дарофеев попытался вызвать в себе хоть какую-нибудь силу, чтобы любым способом избавиться от незваных гостей, но то ощущение куража, которое ещё вчера сопровождало весь побег Пономаря, не появлялось. Один из налётчиков с пистолетом, видя замешательство Игоря Сергеевича, несильно ткнул его стволом оружия:

– Шевелись, давай!

Вынужденный подчиниться, целитель под конвоем прошёл в спальню, где висел его костюм. Перед тем, как позволить ему одеться, улыбчивый обыскал одежду Дарофеева.

– Ребята, а, может, вам деньги?..

С ухмылкой, один из боевиков посоветовал Пономарю, что тот может сделать со своими деньгами. Место, которое указал парень, никак не подходило для хранения наличности

и Игорь Сергеевич, смирившись со своей участью, сник. Всё равно, он знал о том, кто он на самом деле лишь по рассказам Изотова.

Одевшись, Дарофеев, сопровождаемый вооружёнными парнями, вышел из квартиры. Под насмешливыми взглядами запер входную дверь и, втиснувшись в лифт вместе со своими похитителями, поехал вниз.

3.

Сергей Владимирович едва не опоздал. Прибудь он несколькими минутами позже, Дарофеева уже погрузили бы в машину и увезли на место расстрела.

Уже подъезжая к дому Пономаря, майор почувствовал что-то неладное. А когда он увидел, притормозив у подъезда, Игоря Сергеевича, как того сопровождают трое парней, всё встало на свои места. Конечно, это было весьма опрометчиво везти целителя обратно на его квартиру, но у фээсбэшника в тот момент не было другого выхода. И теперь следовало срочно исправлять положение.

Сергей Владимирович вдавил педаль тормоза. Автомобиль проехал по инерции ещё несколько метров и остановился, но ещё до полного торможения, Изотов уже находился в медитативном состоянии. Он моментально отследил ситуацию. Четверо боевиков. Один в машине, трое сопровождают целителя. Все знают, что Дарофеева надо ликвидировать. В случае нападения первая пуля принадлежит именно ему.

И Изотов начал действовать.

Около полугода назад майор, под руководством Игоря Сергеевича, в совершенстве освоил несколько режимов невидимости. С помощью начальных можно было не привлекать внимания людей, другие, более сложные, уже могли обманывать видеозаписывающую аппаратуру, третьи, самые продвинутые, делали человека неопределимым на большем диапазоне частот, включая и инфракрасное излучение. Но в данном случае нужды прибегать к самым крутым режимам не было. Достаточно было того, чтобы боевики не заметили приближения чужака.

Выскочив из машины, Сергей Владимирович подкрался к одному из боевиков. Тот как раз открывал заднюю дверцу «Москвича» и Дарофеев оставался под наблюдением всего двоих человек.

Резким силовым выбросом из муладхары (Примечание: Муладхара – Энергетический узел, локализованный в копчике.), направленным в «третий глаз» бандита, фээсбэшник вызвал у того сильнейший приступ головной боли. Боевик замычал и обеими руками схватился за голову. Пока внимание его коллег было приковано к стонущему боевику, Изотов выпустил два луча из муладхары, присоединил их к центрам тяжести тел похитителей и дёрнул.

Бандиты повалились навзничь, как сбитые кегли. Сергей Владимирович не терял времени и, подскочив к ним, нанёс каждому носком ботинка по удару в висок. Налётчики потеряли сознание, а Дарофеев, не понимая, что происходит, присел.

Это и спасло целителя. Оставшийся в сознании водитель, поняв, что творится что-то неладное, выхватил свой пистолет и успел несколько раз выстрелить в сторону Игоря Сергеевича. Пули, благодаря резкому движению Пономаря, прошли над его головой, а фээсбэшник завершил дело.

Рука водителя внезапно перестала ему повиноваться. Пальцы выронили оружие. Боевик, испугавшись, закричал, но силовой поток, направленный в его манипуру¹, заставил похитителя согнуться от внезапной боли во всём животе.

¹ Манипура – Энергетический узел, локализованный в солнечном сплетении.

Убедившись, что никто из нападавших не способен больше производить сознательных действий, Сергей Владимирович вышел из режима невидимости. Дарофеев, внезапно обнаружив прямо перед собой словно возникшего из воздуха Изотова, заметно вздрогнул.

– Кто это был? – Майор кивком указал на неподвижно лежащие тела похитителей.

– Не знаю. – Игорь Сергеевич уже встал и теперь обескуражено пожимал плечами. – Они не представились. Сказали лишь, что от Владимира Петровича.

– А как же ты вообще такое допустил? – Удивлённо покачал головой майор. – Ты же мог их, не выходя из квартиры, по стенкам размазать.

– Серьёзно? – Спросил Дарофеев. – Как же я об этом мог забыть?..

– Да. – Изотов запоздало вспомнил, что человек, которого он только что спас, потерял память. – Извини... Всё никак не могу привыкнуть...

– Я тоже... – Грустно усмехнулся экс-целитель.

– В общем, оставаться здесь тебе уже нельзя. – Сообщил Сергей Владимирович очевидный факт. – Я подготовил квартиру для тебя. Там поживёшь. Пока память не восстановится.

– Значит, всю оставшуюся жизнь... – Хмуро пошутил Пономарь.

Несмотря на пессимистичный настрой Дарофеева, Сергей Владимирович почему-то был уверен, что всё обойдётся. Сам он никогда не сталкивался со случаями такой полной амнезии, но, если верить рассказам того же Игоря Сергеевича, такие случаи в его многолетней практике бывали и излечивались.

Целитель с удовольствием рассказывал про одного такого пациента, который, в результате травмы головы напрочь забыл кто он такой и бомжевал на вокзалах, пока Дарофеев не обнаружил его в каком-то вонючем подвале и прямо там же восстановил память. Вместе с памятью вернулись и воспоминания о достаточно высоком социальном статусе. И пациент, заместитель одного из министров, стал немедленно распекал Игоря Сергеевича за то, что тот вломился к нему без доклада. Среди ломаных ящиков и гниющих тряпок это, по уверениям Пономаря, выглядело весьма комично.

Единственное, о чём не упоминал Игорь Сергеевич, так это о том, как конкретно ему удалось добиться такого результата. Он лишь обмолвился, что действовал методом контрстресса, но подробностей этого метода Изотов не знал.

Через час после освобождения Дарофеев уже находился на Сиреневом бульваре, где располагалась одна из резервных квартир ФСБ, которую решил использовать в личных целях Сергей Владимирович. Пока Пономарь расхаживал по комнатам, знакомясь с обстановкой, Изотов успел сделать один телефонный звонок.

4.

– Скоро продёт один гость. – Предупредил Дарофеева Сергей Владимирович. Целитель искоса взглянул на фээсбэшника:

– Мой знакомый?

– Да. И очень близкий... – Улыбнулся Изотов.

– А что толку? – Обречённо пожал плечами бывший экстрасенс. – Я всё равно его не вспомню.

– А может... – Хитро поднял брови майор.

– Пожалуйста. – Дарофеев развёл руками. – Я что, против?

– Вот и ладно. А теперь... – Сергей Владимирович замялся, не зная как лучше выразить своё пожелание. – Могу я тебя полечить?

– Да, сколько угодно! – Воскликнул Игорь Сергеевич. – Вреда от твоей лечёбы не будет?

– Не должно. – Заверил фээсбэшник.

Войдя в режим восприятия тонких вибраций, Изотов внимательно просмотрел внутренности Пономаря. Картина была уже совершенно иной, нежели при прошлом сеансе целительства. В теле Дарофеева практически не было никаких нарушений. И это показалось майору удивительным, пока он не вспомнил слова самого Дарофеева, что когда организм привыкает функционировать в более активном энергетическом режиме, его тонкие тела так крепко это запоминают, что уже не способны переключиться на режимы с пониженной энергетикой. То же самое касалось и функционирования тела. Механизмы самовосстановления, запущенные однажды, будут стремиться постоянно содержать все органы в здоровом состоянии.

Но, несмотря на радикальное улучшение, несколько областей для применения целительских способностей Сергея Владимировича всё же наличествовали. В первую очередь Изотов прошёлся по печени, давая клеткам этого органа задачу более активной регенерации. В почках пришлось почистить заизвестковавшиеся «клубочки», активизировать кровообращение. Но когда майор перешёл к работе над мозгом, его ждало неприятное потрясение.

Внезапно энергоструктура пациента самопроизвольно возбудилась, сработали неизвестные фээсбэшнику структуры защиты и он получил ощутимый силовой удар. От него по телу майора пробежала волна дрожи, руки и ноги конвульсивно дёрнулись и он вывалился в состояние обычного восприятия.

Открыв глаза, Сергей Владимирович увидел склонившегося над собой Дарофеева.

– Что-то случилось? – Участливо спросил Пономарь. – Вы... Ты так дёрнулся... Может, я смогу чем-то помочь?..

– Увы, нет. – Через силу улыбнулся Изотов. Во всём своём теле он всё ещё ощущал неприятное покалывание.

– А что случилось?

– Видишь ли... Я наварлся на твою автоматическую защиту.

– Но ты же меня лечил...

– Вот именно. Она, очевидно, устроена у тебя так, что не допускает никаких энергетических вмешательств в твой мозг. Поэтому... Я не могу восстановить тебе память... Даже если бы умел это делать...

– Так ты ещё и не умеешь... – Язвительно отозвался Пономарь.

Готовый разразиться скандал прервал звонок в дверь.

– А вот и мой сюрприз. – Облегчённо выпалил Сергей Владимирович и понёсся открывать. Через несколько минут он появился вместе с гостем.

Игорь Сергеевич внимательно посмотрел на вошедшего. Мужчина, лет тридцати пяти, высокий, с мощными накачанными плечами. В его внешности Дарофееву почудилось нечто неуловимо знакомое.

– Привет, Игорь! – Радостно сказал незнакомец и пошёл к Дарофееву, раскинув руки для объятий. Хлопая экс-целителя по спине, мужчина продолжал:

– Где ж, ты, пропадал, бродяга?!

– А вы кто? – Осторожно спросил Пономарь.

5.

Изотов не предупредил Константина о том, что его брат потерял память, понадеявшись на то, что встреча столь близких родственников может послужить толчком для её восстановления. Но расчёт не оправдался.

Игорь Сергеевич не узнал собственного брата и в сцене, которая последовала после его вопроса, Сергей Владимирович имел весьма бледный вид. После того, как страсти немного

улеглись, Дарофеев-младший принял к сведению амнезию Пономаря, но, как и фээсбэшник, не мог смириться со столь колоссальной потерей.

Слушая своеобразный доклад Изотова о недавних событиях, Дарофеев-старший ощущал себя лишним. Он не понимал большинства слов, которыми оперировал майор, но суть схватить ему удалось. И в этой сути не было ничего утешающего. Игорь Сергеевич словно стал другой личностью. Личностью, которая словно проснулась после сеанса сценического гипноза. И теперь друзья рассказывают ему, как он, повинаясь чужим приказам, подносил к губам пустую руку, якобы держащую стакан с водкой, делал глотательные движения и на глазах пьянел от воздуха.

Под конец, Пономарь устал от постоянных, хотя и косвенных, напоминаний о своей неполноценности. Он резко встал:

– Я пойду спать. – Сообщил Дарофеев Косте и Сергею Владимировичу, несмотря на то, что шел всего третий час дня. Чувствуя на себе озадаченные взгляды, Игорь Сергеевич вышел из комнаты и, пройдя в спальню, как был, в костюме, повалился на кровать.

Его охватило чувство жалости к самому себе. Чувство собственной никчёмности, и всё из-за какой-то дурацкой памяти, которую, по чьей-то чужой злобной воле, у него отняли наркотики. Но, как только он осознал свою жалость, как только это понятие появилось в его голове, само это чувство непостижимым образом пропало.

Через несколько минут, на мокрой от слёз подушке, но уже с сухими глазами, Пономарь спал.

А во сне, он был то великим экстрасенсом, побеждающим неизлечимые болезни, то счастливым сыном, братом, отцом и супругом, то воспитателем гениального, в своих парapsихологических талантах, мальчика.

Глава 6

1.

– Ну, и чего теперь делать? – После долгого молчания спросил Константин. Он стоял у окна, спиной к Изотову, и наблюдал за тем, как во дворе какой-то мальчишка уже раз десятый забирается на снежную горку и скатывается с неё.

– Что делать – и так понятно. – Ответил Сергей Владимирович. – Память восстанавливать.

Майор вздохнул и одновременно пожал плечами, забыв, что Дарофеев младший на увидит этого жеста:

– Вопрос в том, как...

– А вот это – тебе виднее. – Парировал спецназовец. – Теперь ты у нас единственный спец в биоэнергетике.

– Ну, положим, не единственный... Есть и Витя.

– Да... Витя... – Константин Сергеевич обернулся к фээсбэшнику. – А где он, кстати?

– Не знаю. – Честно ответил Изотов. – Я думал...

– Я тоже не знаю. – Сказал младший Дарофеев. – А ведь он с Игорем практически не расставался. Но ведь ты его отыщешь?

– Отыщу. – Кивнул Сергей Владимирович. – Но не нравится мне всё это... Кстати, ты слышал, опять законников убирать начали...

Спецназовец отрицательно покачал головой.

– Совсем, как в прошлом году... – Задумчиво проговорил Изотов.

– А, может, это как раз наш Витя куролесит? – Предположил Константин и фээсбэшник услышал в его голосе плохо скрываемое злорадство.

Дарофеев-младший с самого начала не одобрял патронаж, который его брат взял над хумским самородком. Спецназовец хорошо помнил как в прошлом году Витя, бывший тогда Главным Управляющим Людьми, заставил его, Константина, заявиться к Игорю Сергеевичу с намерением убить последнего. И лишь своевременное снятие ГУЛовской программы предотвратило древнейшее преступление.

С тех пор Константин Сергеевич не мог этого простить Вите Матюшину. Ему не верилось, что Пономарю удастся перевоспитать ГУЛа, внушить тому должное уважение к личности человека, и заставить понять, что любую жизнь нельзя прерывать ради какой-то прихоти.

И то, что Дарофеев-старший так просто простил хумчанина и взял его под своё крыло, было для Константина непостижимо. Он, конечно, во всём доверял брату, но с каждым годом поступки Игоря становились для младшего Дарофеева всё более и более странными.

– Да. – Твёрдо проговорил Сергей Владимирович. – На сколько мне известно, почерк почти тот же... Но этого просто не может быть! Ведь Игорь...

– Ошибся... – Голос младшего Дарофеева был тих, но в нём сквозила такая уверенность, что Изотов невольно замолчал.

– Представь, этот Витя просто не может жить, чтобы кого-нибудь не замочить. У него потребность такая. Он занимался этим всю сознательную жизнь...

– Положим, не всю... – Попытался вставить майор, но Константин не обратил внимания на эту реплику.

– И вот, ему запрещают это делать. А понятия о справедливости у него искажено настолько, что видя, как кто-то творит зло, пацан просто не в силах сдержаться.

– Ну, положим, это не извращённое понятие... – Громко сказал Сергей Владимирович и младший Дарофеев запнулся, поняв, что сказал глупость, но не сдался:

– Пусть так. Согласен. Но посуди сам, парень взвалил на себя чуть ли не божественные функции. Карать и миловать. Он уже успел насладиться чувством власти. Почти абсолютной. От такого так просто не отказываются...

Майор уже давно понял, к чему клонит брат Пономаря, и ждал, будет ли это страшное подозрение облечено в слова.

– А Игорь ему мешал. Понимаешь? И Витя решил его нейтрализовать...

– Таким способом? – Чуть не выплюнул Сергей Владимирович. – Не верю. И не поверю никогда.

– А ты что, в его голове был? – В запале спросил Константин.

– Был, представь себе. – С внезапным для самого себя ледяным спокойствием ответил Изотов, и младший Дарофеев на секунду стушевался, запямятовав о том, что майор, в отличие от него самого, мог на равных разговаривать со слепоглухонемым отроком.

– И что там, в голове?

– Знаешь, ничего, что могло бы хоть как-то повредить Игорю.

– А ты уверен на все сто?

– На двести пятьдесят. – Скривился Сергей Владимирович. – Давай, кончим на этом...

– Нет, погоди. – И Константин с прищуром взглянул на фээсбэшника. – А где сейчас наш Витя?

– Не знаю. – Изотов пожал плечами и одновременно покачал головой. – Он не выходит на связь. Я за последние сутки несколько раз пытался...

– Ага... – Глумливо усмехнулся младший Дарофеев. – И что ты об этом думаешь? Моё мнение ты знаешь. Попробуй, убеди в обратном...

– А чего мне тебя убеждать? Я Вите верю. Рано или поздно поверишь и ты, а так... – Сергей Владимирович махнул рукой. – Лучше скажи, у тебя есть какие мысли по поводу Игоря? Как вернуть ему воспоминания?

Константин отвёл взгляд и, слегка приподняв плечи, показал майору пустые ладони в знак того, что идей у него нет, и не предвидится.

– Хорошо. – Изотов широко улыбнулся, но в этой улыбке Дарофеев-младший почувствовал какой-то подвох. – А мне ты доверяешь?

– В общем, да...

– А в частности? – Настаивал майор.

– И в частности... – Вынужден был согласиться брат Пономаря.

– Тогда так... – Сергей Владимирович на мгновение задумался, словно оценивая, достоин ли Костя узнать весь план целиком, или ему можно дать лишь сюжетную канву, без посвящения в разного рода тонкости. Остановившись на последнем варианте, майор-экстрасенс продолжил:

– Если в двух словах, то Игорю необходим мощнейший стресс, который мы с тобой должны подготовить. Причём не один, а несколько, идущих один за другим. И тогда, на пике, к нему должна вернуться память.

– А если не вернётся?

– Тогда попробуем чего-нибудь ещё. Но пока этот метод, на мой взгляд, единственное, что может реально помочь. – Фээсбэшник сделал упор на слове «реально» и вперился взглядом в Константина. Изотов мог, конечно, прибегнуть и к внушению, забить им недоверие брата Игоря, но сейчас Сергею Владимировичу нужно было именно добровольное согласие.

– Что делать? – Просто спросил Константин.

– Сбежать в магазин за продуктами. – Серьёзно ответил майор. И, видя недоумение младшего Дарофеева, добавил:

– Я и сам пока не знаю, что именно надо делать. Я над этим подумаю, а хавку закупить действительно надо...

2.

Посетив ближайший супермаркет и набив сумки макаронами, кашами, колбасой и сосисками, Сергей Владимирович и Дарофеев-младший шли обратно, на фээсбэшную квартиру. Весь поход они молчали, думая каждый о своём. Изотов пытался придумать в какие критические ситуации он должен поставить Пономаря, чтобы они, одновременно, и не подвергали его пошатнувшееся здоровье опасности, и давали возможность прикоснуться к «прошлой жизни». Константин же размышлял о том, стоит ли помогать майору-экстрасенсу в его странном начинании. Наконец, решив, что будет лично присутствовать при всех «экспериментах» с братом и, в случае чего, немедленно вмешается, младший Дарофеев слегка успокоился.

Поглощённый раздумьями, он не заметил, как Изотов вдруг остановился и отстал уже на несколько шагов.

– Костя! – Позвал сзади Сергей Владимирович. – Погоди немного...

Спецназовец обернулся и увидел, что майор-экстрасенс остановился у газетного киоска и что-то с увлечением рассматривает на его витрине. Когда Дарофеев-младший подошёл к Изотову, тот уже разложил перед собой несколько журналов и, делая вид, что полностью поглощён содержанием, поглядывал в сторону аптеки, мимо которой они должны были пройти на пути к дому.

– Что листаешь? – Полюбопытствовал Константин.

Вместо слов, фээсбэшник показал первую страницу журнала. Там ядовито-розовыми буквами было написано слово «Птюч».

– Не знал, что интересуешься богемными сплетнями... – Беззлобно сказал Дарофеев.

– Приходится... Работа такая... – Ответ больше походил на отговорку, но Костя не стал пытаться выяснить что-либо ещё, присоединившись к разглядыванию цветастых фотографий.

Пока они просматривали новости альтернативной культуры, у аптеки чинно притормозил белый «Мерседес». Из него выскочил водитель и, подбежав к задней правой дверце, распахнул её. Из машины появились ноги, одетые в лаковые штилеты, а за ними и сам владелец обуви. Это оказался немолодой мужчина в повадке держаться которого чувствовалась привычка к немедленному и безоговорочному подчинению всех окружающих.

Несмотря на мороз, он был в одном костюме. Смотрия прямо перед собой, мужчина сделал несколько шагов по направлению к аптеке. Справа и слева от него, откуда ни возьмись, появились двое парней. Они настороженно зыркали по сторонам.

– А вот яблочки! Кому яблочки! – Внезапно подала голос тётка, стоявшая рядом с аптечными ступенями. У её ног стоял ящик, битком набитый помороженным товаром. Держа в одной руке худосочный жёлтый фрукт, а ладонь второй спрятав в рукав засаленной телогрейки, она сделала шаг по направлению к владельцу «Мерседеса».

– Попробуй яблочка, мил человек!

После этих слов события стали разворачиваться с немыслимой скоростью.

Продавщица, пользуясь тем, что фигура мужчины на мгновение заслонила её от телохранителей, одним резким движением вогнала яблоко в его полуоткрытый рот. Скользнув вбок, женщина выпростала вторую руку, и в ней сверкнул безмен с остро наточенным крюком. Точный взмах, и острая сталь вырвала кусок горла мужчины. Тот еще стоял на ногах, кровь только начала показываться в страшной ране, а крюк уже вонзился в живот несчастного и, разорвав одежду и кожу, оставил после себя рану длиной сантиметров пять. Без-

мен остался торчать в вырванном лоскуте. В следующий момент в руке женщины появился перочинный ножик, которым обычно отрезают кусочки яблок на пробу. Он сразу полетел в телохранителя.

Мужчина упал на колени, захрипел. Кровь, вырываясь из перерезанных артерий, хлынула на заледеневшие ступеньки и, дымясь, потекла по направлению к телохранителям. Один из них стоял, схватившись обеими руками за торчащий в глазнице нож, и был, второй достав из-под распахнутой дублёнки автомат, наводил ствол на удирающую продавщицу. Сделав шаг вперёд, он оскользнулся и грохнулся на спину, послав в небо длинную очередь.

Владелец «Мерседеса» в этот момент уже перестал издавать какие бы то ни было звуки и, прижав одну ладонь к животу, а вторую к располосованному горлу, упал лицом вниз, прямо в лужу вытекшей из него крови.

Какая-то старушка, выходявшая из аптеки, увидев такую картину, закричала благим матом и, то ли упав в обморок, то ли просто не устояв на ногах, скатилась к убитому.

Убийцы же и след простыл. Стрелявший телохранитель, поводя дулом автомата, обнял за талию своего лишившегося глаза коллегу, запихал его в «Мерседес». Случайные прохожие, увидав вооруженного человека, начинали пятиться или замирали на месте, тот же, не обращая на стоящих никакого внимания, вернулся к убитому шефу и, открыв багажник машины, закинул туда бездыханное тело.

Взревел мотор, из-под колёс «мерина» брызнула ледяная крошка и машина моментально скрылась из виду. На месте преступления осталась лишь лежащая в луже крови старушка, да, ставший бесхозным, ящик с яблоками.

Всё произошло настолько быстро, что Константин, обученный действовать именно в таких ситуациях, успел сделать лишь несколько шагов по направлению к преступнице. Впрочем, виноват в этом был Сергей Владимирович. Он, зная, что за сцена развернётся сейчас, сознательно затормозил реакции спецназовца и «отпустил» того лишь после того, как исчезли все участники действа.

Кроме того, Изотов был единственным из всех, кто понял, что именно здесь случилось. Он с первого взгляда увидел, что на спине тётки-яблочницы находится знакомая, по прошлогодним приключениям, энергоинформационная программа. Мало того, эта программа на глазах Сергея Владимировича внезапно активизировалась, что могло означать лишь одно: приближается некто с «маяком» на который программа настроена.

Работать по снятию как возбудившейся программы, так и «маяка», значило ставить себя под немедленный энергетический удар, к этому Изотов был не готов и счёл за лучшее не вмешиваться самому и не дать дарофеевскому брату встрять в события.

Но то, чему майор-экстрасенс стал свидетелем, наводило на размышления. Появление программы на Бредне, так звали убитого преступного босса, говорило о том, что Витя принялся за старое. Кроме него и Пономаря никто не мог сделать такую изящную и смертоносную структуру, которую имел счастье лицезреть Сергей Владимирович.

Но если хумчанин вновь начал уничтожать главарей криминального мира, то что послужило причиной такого решения? Оставалось лишь ждать и надеяться, что Витя как-то даст о себе знать и объяснит свои поступки.

3.

Прибыв в химкинскую резиденцию, Корень первым делом посетил Призрака. Николай Андреевич хотел нагрянуть внезапно, но, как он с удивлением обнаружил, Кашеваров его уже ждал. Михаил Русланович встретил мафиози у двери в свой кабинет и прямо с порога вручил прозрачную папочку, в которой лежала стопка исписанных листков. Дневной отчёт.

Даже не взглянув на рукопись, Репнев, не скрывая недоумения, усталился на Призрака.

– О вашем прибытии, – тихо сказал Кашеваров, – я узнал пол часа назад. От моего подопечного. Время подготовиться у меня было...

– Вот как... – Раздосадовано проговорил Николай Андреевич. Такая информация означала, что Витя следит за ним, Корнем, читает его мысли и, как видно, в курсе всех планов относительно Дарофеева.

– Кроме того, – прошелестел телепат, – он разговаривал со мной и предлагал помочь в побеге... Я отказался...

Теперь Репнев посмотрел на Михаила Руслановича с плохо скрываемым недоверием.

– Отказался? – Настороженно переспросил он.

– Да. – Призрак сказал это так тихо, что мафиози скорее догадался об ответе по движениям его губ, чем реально услышав голос.

– Ладно, что ещё?

Михаил Русланович изобразил губами какую-то длинную фразу, но до мафиози не долетело ни звука.

– Громче! – Приказал Корень, начиная раздражаться.

– Мне кажется, что мальчик научился скрывать от меня свои мысли... – Голос Кашеварова и после приказа звучал как шелестящие на ветру листья.

– Что?! – Взревел Николай Андреевич после секундной паузы. – Ты уверен?!

Телепат что-то пытался выдавить из горла, но Репневу уже было недосуг прислушиваться. Если дело обстояло так, как только что сказал Призрак, то все усилия мафиози пошли прахом. Он утратил контроль над хумчанином, и теперь от того можно было ждать любых неприятностей и подвохов. Но знал ли Витя Матюшин о том, что Пономарь уже на свободе, оставалось пока под вопросом.

Внезапно Корень понял, что выдал сам себя. Ведь если парень с лёгкостью читает его мысли на любом расстоянии, то, подумав о побеге Дарофеева, он сам, как на блюдечке, преподнёс бывшему ГУЛу эту информацию.

С этого момента ситуация радикально изменилась. Если раньше Пономарь являлся залогом безопасности Корня и подчинения Вити, то теперь сам хумчанин превратился в заложника и стал гарантом того, что Пономарь не будет делать опрометчивых шагов. Но в памяти Репнева всё ещё было свежо воспоминание об увиденной на экране компьютера сцене собственной смерти.

Мафиози опрометью кинулся из кабинета Призрака. Скатившись по широкой лестнице на первый этаж, Николай Андреевич залетел в каптёрку охранников.

– Вызывай подкрепление! – Крикнул он находившемуся в каморке боевику. – Человек десять. Из Хумска.

Парень вскочил, заметался по комнатке, в поисках телефона, который находился у него в нагрудном кармане. Пока охранник нажимал кнопки, Репнев успел слегка успокоиться и начал прикидывать, что именно надо сделать в изменившейся ситуации.

– Запоминай! – Приказал Корень боевику. – У комнаты пацана – круглосуточное дежурство. Двое, минимум. Территорию дома – патрулировать. На сигналку не надеяться. Всех подозрительных, кто будет пытаться проникнуть через забор – брать, по возможности, живыми.

Николай Андреевич умолчал о том, что если Витя решит призвать на штурм целую армию, то у него это вполне может получиться и как тогда будет обороняться горстка охранников, совершенно не ясно.

– Что с ментами делать – сам знаешь... Вроде всё... – Репнев с шумом выдохнул и, позабыв о том, что собирался навестить самого виновника этого переполоха, вышел во двор, где его поджидал синий «БМВ».

Глава 7

1.

Теперь уже не было нужды скрывать свои способности и, как только Корень вышел от своего соглядателя-телепата, Витя разом заблокировал от него все свои мысли. Призрак, уже привыкший постоянно чувствовать присутствие хумчанина, растерялся. Словно полез в карман за кошельком, а его нет. Украли. А сумма-то была немалая...

Понаблюдав несколько секунд за паникой Кашеварова, Витя решил немедленно действовать.

Он и без Николая Андреевича знал, что Игорь уже на свободе, но постоянный контроль со стороны Михаила Руслановича заставлял мальчика не предпринимать пока никаких действий. И так Витя вынужден был игнорировать несколько телепатических вызовов Изотова. Но теперь, когда Корень приказал усилить охрану – бежать следовало немедленно.

Вспомнив уроки Пономаря, хумчанин вошёл в состояние невидимости. За дверью, судя по выпускаемым мыслям, сидели два охранника. И у них был ключ от двери в комнату Вити. Можно, конечно, было, используя свои телекинетические возможности, поковыряться в замке и отпереть его, но открывающаяся дверь неминуемо привлечёт внимание боевиков и Матюшин решил действовать по другому.

Окна в его комнате были звуконепроницаемые, из поляризованной пластмассы. Разбить такой материал можно было лишь выпустив в него очередь из автомата, причём так, чтобы все пули легли в одно место. Но Витя загодя нашёл в пластиковом листе несколько напряжённых точек, и теперь пришла пора воспользоваться этим знанием.

Взяв стул, Витя со всего размаху ударил ножкой в одну из обнаруженных «точек слабости». Прозрачный лист пошёл трещинами. Отступив на метр, хумчанин бросил стул в окно. Растрескавшийся пластик не выдержал, и боевой предмет мебели вывалился на улицу, увлекая за собой град осколков. В комнату ворвался ноябрьский холод.

Истошно закричав, Витя подбежал к двери. Та немедленно распахнулась, и в проём заглянул недоумевающий охранник. Увидев, что окно разбито, а в комнате никого нет, боевик заорал:

– Пацан сбежал!

И ринулся прочь. Дверь осталась открытой.

Невидимый Витя сразу вышел в коридор. Было уже пусто. Лишь около лестницы наверх мелькнула спина убегающего.

За время своего пребывания в особняке Корня Матюшин, глазами охранников, просмотрел все закоулки этого двухэтажного здания и теперь его путь лежал в подвал. Там находился неохраняемый чёрный вход, которым пользовались лишь для загрузки угля.

На пути в подвал Вите должны были встретиться две камеры внутреннего наблюдения. Однако, мальчик не боялся быть обнаруженным. Даже на экранах следящих мониторов он, будучи покрыт блоком невидимости, оставлял лишь лёгкое дрожание, как будто откуда-то повеяло потоком тёплого воздуха.

В параллельном коридоре чувствовалось многочисленное присутствие. Витя, на мгновение настроившись на одного из находящихся там, услышал встревоженные крики. Кто-то требовал обыскать всю территорию, прилегающую к дому.

– Брать только живым! – Прозвучало сзади охранника, но тот уже, натягивая на ходу полушубок, бежал к входной двери.

Отстроившись от боевика, Матюшин продолжил путь. Он спустился по ступенькам, открыл пронзительно заскрипевшую дверь в подвал и оказался в полнейшей темноте. Но, поскольку хумчанин глазами не пользовался, а для ясновидения было всё равно, тьма вокруг него, или свет, он, лавируя между нагромождениями каких-то ящиков, вскоре попал в нужное место.

Дверь чёрного хода открывалась внутрь. Из щелей дул холодный ветер. Дёрнув за ручку, Витя в следующий момент увидел, что выход заперт снаружи на большой висячий замок. Теперь можно было не опасаться того, что это чудо кто-то увидит, и Матюшин, настроившись на внутренности замка, заставил тот раскрыться. Вынуть примёрзшую дужку из петель оказалось гораздо сложнее, но Витя справился и с этим неожиданным препятствием. Ёжась от холода, мальчик вышел на свежий воздух. Осталось преодолеть несколько десятков метров, ворота – и он свободен!

Несмотря на многочисленные умения и колоссальный природный дар, Витя не мог пока левитировать, как Дарофеев. Для этого ему требовалось освоить несколько сложнейших режимов, при этом все они забирали такое колоссальное количество сил, что Игорь, рассказывая и показывая Матюшину эти состояния, настойчиво рекомендовал в ближайшем будущем их не применять. Но в данный момент, как рассудил Витя, иного выхода не было.

Вспомнив мозаику силовых и информационных линий и потоков, возникавшую в теле и вокруг него в те моменты, когда Пономарь поднимался в воздух, мальчик попытался воспроизвести их здесь и сейчас.

Он сразу почувствовал, как отрывается от снега, на котором стоял, как поднимается вверх. Но в тот же момент на Витю навалилась колоссальная усталость. Он даже не думал, что когда-либо сможет так устать.

Стараясь не обращать на это внимания, Матюшин заставил своё невидимое тело перемещаться в сторону ограды.

Вот до неё осталось пять метров. Вот всего два.

Но в этот момент силы мальчика кончились.

С трёхметровой высоты он рухнул в сугроб и потерял сознание.

2.

Корень не успел доехать до здания «Гидропроекта», как в машине зазвонил телефон. Чертыхнувшись, Николай Андреевич достал трубку, отщёлкнул микрофон.

– Да! – Сурово выкрикнул мафиози и услышал на удивление громкий голос Призрака.

– Возвращайтесь! Мальчишка пытался сбежать, его поймали и теперь ваши люди с ним хотят позабавиться...

На этот раз Репнев крепко матернулся.

– Разворачивай! – Заорал он на водителя. – Обратно! Быстро!

И лишь после этого заметил, что держит в руке всё ещё включённую трубку. Не став разговаривать с телепатом и выяснять подробности, Николай Андреевич раздражённо закрыл аппарат, и уставился в окно машины, наблюдая за тем, как несутся навстречу дома и улицы, которые он проезжал несколько минут назад.

3.

Мальчишку нашли совершенно случайно. Один из боевиков, патрулировавший двор, заметил, что из снежного заноса, который скрыл ряд каких-то колючих кустов, наполовину высовывается розовый, почти незаметный на белой поверхности, тапок.

К этому месту не шли никакие следы и охранники, зная, что пройти по такой целине не оставив за собой изрядной борозды, невозможно, просто не осматривали этот участок двора корневского особняка.

Вслед за тапкой, из-под сугроба был извлечён и Витя Матюшин. Мальчик был весь в снегу, он закоченел и почти не подавал признаков жизни. Но боевики, раздосадованные тем, что из-за этого пацана их подняли на ноги и заставили бегать по морозу, решили, почти не сговариваясь, выместить на хумчанине всю свою злость. Кроме того, все они принимали участие в штурме НИИЭБа и помнили, что этот щуплый пацан сделал с их друзьями и коллегами.

Витю приволокли в одну из пустующих комнат, где из потолка торчал крюк для люстры. Привязав мальчика за руки, охранники подвесили его на этот крюк. Один из них наотмашь хлестнул Витю по щеке. Мальчик дёрнулся, но не издал ни звука.

В следующий момент у всех присутствующих в головах зазвучал голос:

– Отпустите!

Бандиты переглянулись. Им было известно, что их подопечный обладает некими особыми способностями, но чтобы он так просто мог говорить, не открывая рта, это им в голову прийти не могло.

– Отпустить? – Глумливо проговорил один из боевиков, справившись с первоначальным шоком. – Или опустить?

– Ты – Банан. – Стал проецировать Матюшин свой голос охранникам. – Тебе двадцать один год. В шестнадцать попал на малолетку за квартиру. Там же был опущен и полтора года обслуживал всех под именем Валька. При подъёме на взросляк скрыл это и стал жить как прибалтнённый.

Все бандиты, кроме Банана, расхохотались.

– Валька! Вафлёр! Дай-ка мы тебе на клык навалим!

– А ты, – продолжил Витя, – упырь.

Предложивший использовать Банана по назначению замолк и, подскочив к пацану, замахнулся, чтобы прервать его откровения, но кто-то поставил ему подножку и Упырь повалился, нелепо задрав ноги.

– В детстве ты подглядывал за родителями в спальне. Потом стал воровать на зимних дачах. Свою девчонку, которая пригрозила тебя выдать, отдал на изнасилование друзьям, с которыми ходил на «дела». Когда они её убили, зарубил всех топором, а дом, где это происходило – поджёг.

– Ах ты, сука! На кентов руку поднял! – Завопил кто-то.

– Закрой хлебало! – Рывкнул, Упырь, поднимаясь с пола. – Посмотрим, что он про тебя, Карась, расскажет...

– Карась. – Зазвучало у всех в головах. – Сидел за гоп стоп. Пользовался тем, что был близок к пахану зоны и крысятничал из зековского общака.

– Да вы что, мужики, слушаете этого ублюдка! – Завопил Карась. – Вы въехали что он делает? Он же нас друг на друга натравливает! Ну, кто из вас подлянок не делал? А?!

Он оглядел бандитов. Те, стояли, как вкопанные, даже те, кто заламывал руки Банану, ослабили свою хватку.

– Мочить его надо! Без лишнего базара! Мочить! – Последнее слово Карась сказал с такой ненавистью, что Витя весь содрогнулся. Вал эмоций преступника захлестнул мальчика.

– Стоять! – Прогремел на всю комнату властный голос. Боевики повернулись к его обладателю и увидели перед собой высокого, чуть седоватого хилыка, которого их босс, неведомо зачем, поселил в этом же доме.

– Через пять минут здесь будет Корень. – Сообщил Кашеваров уже чуть тише. – Если кому-то хочется расстаться со своими мужскими достоинствами – продолжайте...

– Да чего ты гонишь?! – Слегка неуверенно проговорил Упырь. – Шеф только в тачку сел. Раньше завтра не вернётся...

– Кто не верит – может остаться и продолжить. – Равнодушно проговорил Призрак. – Остальным лучше разбежаться и занять свои места...

Михаил Русланович повернулся и сделал шаг прочь из комнаты. На пороге он обернулся:

– Да, ещё я бы советовал срочно вызвать врача. Пацан, по-моему, сильно обморожен...

Когда в Химки прибыл Николай Андреевич, всё было уже спокойно. Витя лежал в кровати, около него сидел местный врач, а медсестра обрабатывала какой-то мазью ступню паренька.

– Что с ним? – Резко спросил мафиози.

– Ничего страшного. – Врач встал. – По всем симптомам – нервное истощение. Кроме того, лёгкое обморожение конечностей. Недельку полежит, – если не будет простуды, – то этим всё и кончится.

Корень выругался и, уходя, хлопнул дверью. Он шёл разыскивать Призрака.

4.

Случилось то, чего Репнев опасался, но не позволял этому подозрению даже появиться в своих мыслях. Витя Матюшин, судя по рассказу Михаила Руслановича, оказался не так прост. Ему без особых усилий удалось ускользнуть из-под телепатического наблюдения. И это значило, что всё время пленения он вёл с Корнем какую-то игру. Смысл её был мафиози неясен и это было вдвойне подозрительно.

Кроме того, судя по реакции Призрака на побег, последовавшее за ним пленение мальчика, Кашеваров искренне привязался к хумчанину. Иначе телепат и пальцем бы не пошевелил, чтобы спасти пацана от расправы, не стал бы звонить Николаю Андреевичу с требованием немедленно вернуться. Репнев не терпел, чтобы ему приказывали, и сейчас, выполнив требование подчинённого, причём такого, который находился на самой нижней ступени криминальной иерархии, Корень не мог этого простить ни себе, ни ему.

Возникшая эмоциональная связь надзирателя и его подопечного могла принести в дальнейшем немало неприятностей. Николай Андреевич понимал это очень отчётливо и не мог допустить, чтобы личные чувства как-то влияли на ход задуманного им дела.

К великому сожалению мафиози, в его распоряжении больше не было настоящих телепатов. Поэтому Репнев сделал заметку в своей записной книжке о том, чтобы дать Драйверу задачу найти Призраку замену. Пока же замены не было, приходилось мириться с присутствием в своей организации потенциально нелояльного субъекта.

Да и из-за дурацкой мысли самого Николая Андреевича, Витя на несколько дней выпал из работы. Задержки Репнев планировал, но не такие длительные. В Москве оставалось ещё немало личностей, которые мешали криминальному бизнесу Корня. И с ними следовало разобраться не откладывая. К примеру, тот же Рыбак...

Но неожиданности в этот день ещё не кончились.

Приехав к себе домой, на Кутузовский, мафиози, в сопровождении двух телохранов поднялся к своей квартире. На звонок дверь открылась, и перед Николаем Андреевичем возник не дежуривший боевик, а совершенно незнакомая личность. Личность эта была мужского пола и приветливо улыбалась.

Моментально произошла небольшая перестановка. Телохранители Репнева шагнули вперёд и, закрыв босса своими телами, выхватили пистолеты-пулемёты «Шакал» и взяли незнакомца на мушку.

– Я – парламентёр от Рыбака. – Сказал незнакомец. – Стрелять не советую. Других пришлёт... Не таких миролюбивых...

– Обшмонать. – Приказал Николай Андреевич.

Парламентёр безропотно позволил провести личный досмотр, в результате которого обнаружилось странного типа ручное оружие.

– Что это? – Спросил Корень, рассматривая необычного вида револьвер.

– «Удод-5». – Пояснил рыбаковец. – Стреляет сильнодействующим снотворным. К тому времени нашёлся и корневский охранник. Он, блаженно улыбаясь, спал на полу в прихожей.

Парламентёра под конвоем ввели обратно в квартиру. Он, не спросив разрешения, уселся на диване и закинул ногу на ногу. Репнев разглядывал его с минуту, потом устроился напротив. Телохранители Николая Андреевича оружие своё опустили, но держали на виду.

– Итак? – Корень первым прервал молчание.

Незванный гость завершил изучение своих ногтей и прямо посмотрел на мафиози.

– Мой босс просил передать... – Начал рыбаковец, пристально вглядываясь в лицо Репнева. – Что противостояние ни к чему путному не приведёт...

Опять в комнате повисла пауза, которую посланец дал Корню, чтобы тот обдумал услышанное. За кажущейся простотой фразы скрывалось несколько потаённых смыслов. Во первых, Рыбак давал понять, что считает организацию Репнева равной себе. С одной стороны это могло показаться ничем не оправданной дерзостью, но с другой, наркобарон намекал на то, что их силы сейчас действительно примерно равны. Во вторых, здесь было закамouflировано явное предложение мира. Старый мафиози давал понять, что знает, от кого шли приказы о покушениях и одновременно то, что готов забыть о них, если Николай Андреевич пойдёт ему навстречу.

Конечно, Корень ни на секунду не верил о забывчивости Рыбака, но если уж парламентёр сказал «А», то следовало дождаться и следующей буквы.

Николай Андреевич кивнул и после этого рыбаковец приступил ко второй части своей миссии.

– Рыбак приглашает вас на встречу.

Репнев насторожился. Старик в Бутырке. Встреча должна произойти в её стенах. Это могло означать или ловушку, или действительно честное предложение о сотрудничестве. Корень помнил, как несколько лет назад накрыли сходняк воров в законе и произошло это как раз в Бутырской тюрьме.

– Гарантии? – Осторожно спросил Николай Андреевич.

Посланец заулыбался:

– К сожалению, никаких... Но, как жест доброй воли Рыбак просил передать вам это...

Осторожно и медленно подняв руку, чтобы не спровоцировать излишне поспешной реакции телохранителей, парламентёр двумя пальцами извлёк из нагрудного кармана своего пиджака сложенный листок бумаги. Протянул его Репневу. Николай Андреевич не спешил его брать, он кивком приказал одному из телохранов приблизиться и забрать послание. Все эти предосторожности вызвали у посланника лишь тень улыбки. Он понимал, что доверия тому, что исходит от Рыбака было мало. К примеру, лист мог оказаться пропитан каким-нибудь ядом и наркобарон хотел таким способом уничтожить конкурента.

Телохранитель развернул бумажку, осмотрел её с обеих сторон и поднёс к лицу Корня. Репнев увидел колонку аккуратно написанных имён, фамилий и кличек.

– Это «двойники» среди ваших людей. – Пояснил парламентёр.

– Хорошо. – Репнев медленно склонил голову. – Я проверю. Свяжите его пока.

Рыбаковец не сопротивлялся, пока ему скручивали руки за спиной и, через петлю на шее, привязывали их к ногам. В такой позиции пришелец не мог пошевелиться, чтобы не придушить себя, а Корень направился в кабинет, звонить Драйверу. Беседа с компьютерщиком полностью удовлетворила Николая Андреевича. Показанный видеокамере лист был тут же переведён в текстовый файл, по всем позициям проведён поиск в базе данных. В результате оказалось, что распознанных «двойников», тех кто работал одновременно на Корня и Рыбака, было на порядок меньше, чем содержал список. Приказав Драйверу не трогать этих людей до поры, до времени, Репнев вернулся к парламентёру.

Тот смиренно лежал там же, где его оставили. По всему было видно, что рыбаковец не предпринимал попыток освобождения. Увидев вошедшего в гостиную Николая Андреевича, пришелец странным образом вытянулся, узлы соскочили с его рук и он, одним движением скинув с шеи петлю, встал перед мафиози во весь рост.

Репнев от неожиданности отступил. Его телохранители, как по команде, одновременно вскинули «шакалов».

– Вот ещё одно доказательство лояльности. – Сияя приклеенной улыбкой, отчётливо сказал парламентёр.

Корень коротко кивнул. Действительно, если посланцу ничего не стоило справиться с путами, то у него всё время, пока он находился в квартире, была прекрасная возможность разделаться с Николаем Андреевичем и его людьми. Парламентёр оказался профессионалом высокого уровня. И одно то, что на встречу с Репневым Рыбак послал именно такого человека, а не обычную шестёрку, говорило об уважении. Или это было хорошо просчитанным ходом, чтобы пустить пыль в глаза. Корень так до сих пор не знал ничего о планах старого мафиози.

– Когда? – Спросил Николай Андреевич.

– Сегодня. Сейчас. – Просто ответил посланец.

– Но я... – Задумался Репнев, прикидывая, какие дела у него назначены на ближайшее время.

– Следующее окно в визитах возможно будет лишь через несколько дней. А время поджимает...

Репнев не стал пытать, почему так внезапно возник цейтнот, и согласился.

Глава 8

1.

– Я пригласил вас, Николай Андреевич, чтобы обсудить два вопроса... – Рыбак устало развалился в кресле напротив Корня, положив сухие сморщенные руки на подлокотники. Репнев с первого взгляда понял, что старый наркоделец противник не из приятных. Несмотря на преклонный возраст, глаза Рыбака оставались яркими, это были глаза безжалостного хищника, который не остановится ни перед чем, чтобы добиться своей цели, какой бы та ни была.

Голос старика был немного гнусав, сломанный ещё в бурную молодость нос давал о себе знать. Но несмотря на это, в словах Рыбака чувствовалась уверенность и сила, которые даются лишь действительно много повидавшим на своём веку, тем, кто умеет извлекать уроки из собственных ошибок и не наступает на одни и те же грабли по несколько раз.

Старик пригладил торчащий ёжик густых седых волос и, с тщательно выверенным безразличием, продолжил:

– Первый из них чисто деловой, второй же – личный. Я сейчас подумал, и решил поменять их местами. Начнём с личного... Вы не возражаете?

Репнев не возражал. С самого начала было ясно, что старый мафиози продумал ход этой беседы уже давно и сейчас лишь пытается сделать вид, что всё происходит спонтанно, благодаря некому эмоциональному порыву. Но Николаю Андреевичу было доподлинно известно, что Рыбак в своих действиях никогда не идёт на поводу чувств. Все шаги наркобарона подчинены какой-то вполне определённой цели. Но какой именно, Репнев пока не знал.

– С чего бы начать?... – Рыбак явно не торопился, а Корень молчал и терпеливо ждал.

– Давайте будем по-простому? – Внезапно предложил старик. – Мы – взрослые люди, и понимаем, чего стоят все эти условности, дипломатические ужимки и скрупулёзное фильтрование базара... Будем на «ты»? Я буду называть тебя Коля... А ты меня... Рыбак... – И старик залиvisto расхохотался.

– Тогда уж «Корень»... – Сказал Николай Андреевич и тут же понял, что попался на удочку наркобарона. Тот ждал от Репнева именно такой реакции. Решив про себя, что будет впредь осторожнее, Корень вдруг осознал, что и это запланировано Рыбаком.

– Хорошо, Корень... – Сквозь смех проговорил старик и моментально успокоился. – Так вот, о личном... Это, можно сказать, просьба, или одолжение. Пустяк, безделица, но моя благодарность будет весьма высока... Ты, Корень, наверное, знаешь, как я попал сюда... – И, уже во время утвердительного кивка Репнева, старик стал говорить дальше. – Знаешь, кто тому виной. Их было двое. Один – Гнус. Мерзкая личность, – в подтверждение своих слов наркоделец скривил тонкие губы. – Не советовал бы иметь с ним дело, да тебе и не придётся. Он уже мёртв... А вот второй...

Как только Рыбак стал разглаживать о виноватых, Николай Андреевич догадался, что за этим последует и опять поразился хитрости и прозорливости старика. Речь, несомненно, пойдёт о Дарофееве. Наркобарон предложит ему разделаться с целителем. Это совпадало с планами самого Репнева и, если он согласится, тем самым, он попадёт под влияние наркомафии. И тогда ему будет во сто крат сложнее отказаться от второго предложения наркотического босса.

Но что будет, если Корень скажет старику, что сам хочет устранить Пономаря? Наверняка, Рыбак тогда закивает и скажет, что безделица состоит в том, чтобы сказать экстрасенсу, что его мочат по повелению наркобарона.

«А если отказаться?» – Промелькнуло в голове у Репнева.

Но тогда всё запутается окончательно. Рыбак, как дважды два сможет доказать, что Пономарь опасен, призовет к мести за братву, и если Корень будет настаивать, то его авторитет неминуемо упадет. Уж Рыбак-то об этом позаботится и будет совершенно неважно, жив Дарофеев, или мёртв, и от чьей руки.

– Да, я согласен... – Сказал Репнев и резко оборвал себя, поняв, что всё-таки ещё раз прокололся, выдал наркобарону свои мысли, ответил на незаданный вопрос.

– И на что? – Мгновенно отреагировал старик.

– Убрать Пономаря... – Угрюмо пробормотал Николай Андреевич. Отступать ему уже было некуда. Но оставалась и вторая причина беседы, и теперь Репнев должен был ждать, пока наркоделец её скажет.

– Ай, умник! – Радостно захлопал в ладоши Рыбак. – Ай, молодец. Прямо мысли мои читаешь!

Да, крепко насолил мне Пономарь. И расплата за это – одна. Правильно... Правильно... – Старик быстро закивал. – А тебя то он чем напряг? – Последовал внезапный вопрос.

«Проверка! – Моментально пронеслось в голове Корня. – Вот бы ещё узнать, что именно этому бандиту известно о моих отношениях с Игорем...»

Тянуть с ответом было нельзя. Итак Репнев уже замешкался, подбирая слова для ответа. А каждый миг промедления Рыбак берёт на заметку.

– Извини, Рыбак, – решил, наконец, Николай Андреевич. – Это мои с ним разборки. – И, поняв, что высказанная фраза звучит слишком грубо, без излишней поспешности продолжил:

– У меня есть причины, и они достаточно веские... Но для того, чтобы о них рассказать – потребуется слишком много времени. Не хотелось бы тебя утомлять излишними подробностями...

К удивлению Корня Рыбак не стал настаивать. Из этого Николай Андреевич заключил, что старик знает достаточно, чтобы не удивляться такому решению Репнева. Но откуда? Источник информации мог быть только один – кто-то из людей Драйвера.

– Да и не надо... – Старик вяло махнул рукой. – Я и так всё знаю. Что жить тебе осталось чуть меньше двух недель...

Корень, понявший где находится источник информации за мгновение до того, как была произнесена эта фраза, сумел сохранить полное самообладание. Он прикрыл глаза и медленно кивнул.

– А ведь этого человечка в моём списочке не было... – Рассмеялся Рыбак. – Сам допёр? Или раньше его вычислил?

– Только что... – С невозмутимым видом проговорил Репнев. – А теперь, давай кончим эти кошки-мышки. Какое второе предложение?

Наркоделец довольно ухмыльнулся. Он знал, что Корень не сможет правильно истрактовать это выражение чувств. Теперь Репнев начнёт «чистку» среди людей Драйвера, а это временно ослабит позиции Николая Андреевича.

Рыбак намеренно запутал Корня, сообщив о предателе в рядах компьютерщиков. На самом деле, всё было гораздо проще. Когда Драйвер работал под крышей Сивого, наркобарон, за то недолгое время, когда его организация и группировка Сивого объединились, узнал несколько секретных кодов, позволяющих незаметно залезать в сеть Драйвера и считывать оттуда всё, что нужно.

Начав активные действия, Рыбак не мог пройти мимо такой прекрасной возможности. Естественно, занимался он этим не сам, а группа доверенных лиц, и всё самое интересное они передавали через спутниковый телефон на ноутбук Рыбака. Так что, наркоделец смог воочию понаблюдать за будущей смертью Николая Андреевича.

Наркобарон знал и то, что Драйвер не успел ещё сообщить своему хозяину. Информация эта заключалась в том, что Корню, его силами, не удастся справиться с Пономарём. В нейροкомпьютер были заложены действия только «крыши» Репнева и не учитывалось влияние других криминальных организаций. А, поскольку сезон охоты на Пономаря был открыт, Рыбак не мог отказать себе в удовольствии к ней присоединиться.

От её успешности зависело многое. И, в первую очередь, дальнейшее расширение наркомафии.

– Торопиться, Корень? – Рыбак закончил ухмыляться и стал насупленно-серьёзен.

– Да так, – неопределённо сказал Репнев. – Дела, там, всякие. Но они подождут...

– Это верно, дела подождут... Но не наши.

Последние слова были сказаны Рыбаком с таким металлом в голосе, что Николай Андреевич невольно вздрогнул.

– А предложение у меня такое... – Чуть тише молвил наркоделец. – Объединиться...

Теперь Репневу всё стало понятно. Рыбак не был человеком, который так запросто отдаст кому-то свою власть, или поделится ей. Корень понял, что старик хочет использовать момент, чтобы прибрать к рукам всю организацию Николая Андреевича. Объединение – лишь уловка. После гибели Корня власть Рыбака возрастет многократно.

Но, с другой стороны, это было крайне заманчиво. Прав компьютер, или нет, но Репневу казалось, что покончить с Дарофеевым удастся без особых хлопот, пусть даже при этом погибнут сотни шестёрок-боевиков.

– Я понимаю, – продолжал гнусавить Рыбак, – что такое решение требует созыва «Девятки». Но, если ответ будет положительным, то у вас появятся дополнительные ресурсы для уничтожения нашего общего знакомого... Не говоря уже о финансовой стороне дела...

После этих фраз Корень не знал, что и думать. Выходит, Рыбак заинтересован в нём. В его жизни. Но почему? И почему он так хочет устранить Пономаря?

2.

Когда Изотов и Константин вернулись с продуктами, Игорь Сергеевич всё спал. Стараясь не шуметь, майор и Дарофеев-младший рассовали принесённые свёртки по полкам, загрузили холодильник. После этого, Сергей Владимирович поехал подготавливать первый этап своего плана, а Константин Сергеевич остался с братом.

Размышляя о том, каким должен быть первый стресс, которому подвергнется Пономарь, Изотов не придумал ничего лучше, чем ознакомить потерявшего память с масштабами и итогами его целительской деятельности. А для этого требовалось привезти ему архив карточек пациентов. Задача казалась элементарной. Ну, что может быть проще – приехать и взять? Но внезапно Сергей Владимирович столкнулся с непредвиденными осложнениями.

Подъезжая к дарофеевскому дому, майор вдруг почувствовал смутную тревогу. Не всё было чисто. Доверять своей интуиции Изотов уже привык и, поскольку его способности позволяли проверить догадку, Сергей Владимирович остановил машину в нескольких кварталах от нужного ему здания и вошёл в медитационное состояние.

Проверку он начал с квартиры Игоря Сергеевича. Там определённо чувствовалось чьё-то чужое присутствие.

Переместив своё тонкое тело к балкону одиннадцатого этажа, майор прошёл сквозь стекло и оказался в знакомой обстановке. Впрочем, не всё в ней оказалось привычным. Меб-

лировку дополняли два головореза, вольготно расположившихся в гостиной. На сервировочном столике стояла двухлитровая бутылка армянского коньяка, из дарофеевской коллекции подарков, дополняли натюрморт пол круга краковской колбасы, ломти черного хлеба и порожние банки плоских консервов.

По всему было видно, что бандиты пришли сюда всерьёз и надолго, и по доброй воле это помещение не покинут.

Пролетев по остальным комнатам, Изотов заметил и третьего, запершегося с туалете. Последний, как видно, сильно перебрал и теперь обнимался с фаянсовым другом. Опасности бедолага явно не представлял.

Вернувшись в гостиную, Сергей Владимирович занялся первыми, из обнаруженных. Они как раз разливали последние капли коньяка по стаканам и готовились принять очередную порцию. Уровень алкоголя в их крови был уже высок, но, как понял майор, недостаточно, чтобы боевики отрубались и залегли спать.

Немного подкорректировав у них работу печени, так, чтобы та перерабатывала спирт как можно дольше, Изотов в тонком теле устроился в углу комнаты и стал ждать.

Сторожа сдвинули стаканы, выпили. Сергей Владимирович опять слегка вмешался в плавное течение их обмена веществ. После этого, алкоголь стал несколько активнее всасываться в кровь.

Прошло несколько минут, и боевики окончательно закосели. Убедившись в том, что организованного сопротивления они оказать уже не смогут даже на автопилоте, Изотов решил покинуть стены дарофеевского обиталища, чтобы вернуться в него уже во плоти.

Но, когда он подвёл машину непосредственно к подъезду и припарковался рядом с синим «москвичом» Пономаря, уже порядком занесённого снегом, майор обнаружил, что ощущение опасности лишь усилилось. Что-то он, как видно, пропустил.

Поднявшись на лифте до девятого этажа, дальше Сергей Владимирович стал подниматься пешком. И чуть не нарвался на внешнюю засаду.

– Я отолю. – Сказал вдруг голос на следующем пролёте лестницы.

– Смотри, осторожнее. Наверху бугор. – Ответил второй боевик.

– Да я в мусорку... Она этажом ниже...

Послышался грузный топот. Майор успел бесшумно скользнуть вниз и притаился в темноте закутка, в который выходили двери квартир.

Мимо Сергея Владимировича кто-то быстро промчался, он успел разглядеть лишь спину, затянутую в коричневую кожаную куртку. Шаги стихли, послышался лязг открываемого мусоропровода и, следом, весёлое журчание.

Не дожидаясь, пока бандит закончит своё дело, Изотов рванул вверх по лестнице. Напарник боевика сидел на ступеньках и никак не ожидал нападения. Сергей Владимирович с поворота ударил того тяжёлым ботинком по голове. Носок вошёл в полуоткрытый рот боевика, ломая зубы. Челюсть парня обвисла под неестественным углом, то ли выбитая из суставов, то ли сломанная мощным ударом.

Боевик застыл на мгновение с вытаращенными глазами, потом повалился навзничь, гулко стукнувшись головой о ступеньки. Снова хлопнула крышка мусоропровода. Зазвучали шаги.

– Я – всё! – Сообщил бандит, появляясь в поле зрения Изотова. Реакция его была несколько лучше, чем у коллеги. Пока майор, схватившись обеими руками за перила лестницы, перепрыгивал на нижний пролёт, целясь ногой в висок боевика, тот успел вытащить короткоствольный автомат. Однако, воспользоваться им не удалось. Не успев издать ни звука, облегчившийся боевик рухнул на площадку перед лифтом.

Спустившись, Сергей Владимирович конфисковал у него автомат и прислушался. Казалось, вокруг было спокойно, но майор чувствовал, что всё не так безоблачно, как хотелось.

Переключившись на ясновидение, Изотов увидел, что навстречу ему спускаются ещё двое. Эти уже держали оружие наготове. И им осталось спуститься лишь на пол пролёта, чтобы увидеть первого из уложенных коллег.

На мгновение Сергей Владимирович пожалел, что не может стрелять сквозь стены. Он, как мог бесшумно, спустился на несколько ступенек и встал на перила лестницы. Теперь майор мог поразить ноги приближающихся бандитов.

И, как только первый из них показался в щели между лестницами, Изотов вытянул руку с автоматом и, поддерживая оружие за магазин, дал по нему, и выше, поворачивая ствол в сторону уходящего вверх пролёта, длинную очередь. Звук выстрелов чуть не оглушил майора. Пули, выбивая куски бетона, визжа, рикошетировали от стен.

Не надо было прибегать к паранормальным способностям, чтобы определить, что оба бандита мертвы.

Теперь путь был свободен.

3.

Проснулся Пономарь от того, что кто-то вошёл в квартиру. Игорь Сергеевич не мог сказать, услышал ли он, как хлопнула входная дверь, или послышался чей-то голос, или он просто вдруг осознал, что теперь здесь присутствует ещё один человек, но результат был налицо. Дарофеев проснулся.

Спустив ноги с кровати, целитель нащупал тапочки, засунул в них ступни и, мельком отметив, что спал в носках, направился к выходу из комнаты. Оказавшись в коридорчике, Игорь Сергеевич увидел, что рядом с входной дверью кто-то раздевается. Через секунду пришло узнавание. Изотов. Тот, кто уже дважды спасал его, Игоря от каких-то бандитов.

– Сергей?.. – Осторожно спросил Пономарь.

Тот поднял взгляд от ботинок:

– А, Игорь, проснулся?

На этот вопрос можно было и не отвечать. Пономарь внимательно рассматривал пришедшего откуда-то майора и вдруг осознал, что как-то слишком пристально смотрит на его левый башмак. Целителю показалось, что тот испачкан кровью, причём не кровью Изотова, а чьей-то чужой. Но видение исчезло и обувь вновь стала чистой.

– Я тут тебе кое-что принёс... – Загадочно сообщил Сергей Владимирович, подхватывая с пола приличных размеров кожаную сумку. – Но это чуть позже... Надо рассортировать...

На голоса из кухни вышел ещё один человек. Дарофеев посмотрел в его сторону и в памяти мгновенно возник образ из сна. В том эпизоде, этот господин, правда гораздо моложе, сопровождал его, Игоря и женщину по имени Лиза, в каком-то путешествии.

– Ну, брательник, как спалось? Целитель вспомнил, что это его брат, Константин. Но, странное дело, никаких особых чувств он к этому человеку не испытывал. Ну, назвался братом, и что? Может, очень даже может быть, что Константин действительно брат. Но ведь памяти об этом не сохранилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.